

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЯЗЫК ЯНА Х

ПРАВОСЛАВИЕ 2
ИЛИ СМЕРТЬ

НИКОДИМОВЩИНА

НИКОДИМОВЩИНА

РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Для русского духовного возрождения сегодня жизненно необходимо выработать конструктивную и беспристрастную концепцию церковной истории послереволюционной эпохи. Это тем более важно, что именно там коренятся причины многих конфликтов и проблем, терзающих сегодня Русскую Церковь. При этом неуклюжие попытки некоторых иерархов сделать вид, будто подобных проблем вовсе не существует, ни к чему хорошему привести не могут. Загоняя болезнь вглубь, мы обрекаем самих себя на то, что со временем она вырвется наружу в еще более разрушительных и безобразных формах. Оставять без внимания принципиальные вопросы, поставленные самой жизнью, недопустимо. Тем более, что они довольно часто повторяются и в письмах читателей.

Это в первую очередь относится к анализу внутреннего содержания церковной истории последних десятилетий. Когда и как сформировалось в РПЦ ее современное «либеральное» крыло? Чем грозит Церкви дальнейшее обострение противостояния между екуменистами-обновленцами и приверженцами традиционного святоотеческого православия? Какова истинная роль митрополита Никодима (Ротова) в судьбах русского православия? Каково сегодня реальное соотношение сил внутри Церкви? Что надо сделать для того, чтобы внутрицерковные дискуссии пошли по конструктивному руслу, исключаящему ереси и расколы?

Все эти вопросы появились не сегодня и не вчера. Они довольно активно обсуждались православной общественностью в последние годы, но зачастую, к сожалению, на непрофессиональном, «кухонном» уровне, когда информация заменяется слухами, а серьезный анализ – скандальными сплетнями. Думается, пришла пора начать их обсуждение ответственно и серьезно. Господи, благослови!

БОЛЕЗНИ РОСТА

Да, сегодня Русская Православная Церковь возрождается. Да, несмотря на все трудности, она постепенно начинает приходить в себя после долгих десятилетий беспрецедентно жестоких богоборческих гонений. И это не может не радовать. Но сия долгожданная радость не должна заслонять от православных наличия серьезнейших внутрицерковных проблем, без решения которых наше окончательное духовное выздоровление немислимо.

Ныне, по слову митрополита Иоанна, мы находимся «лишь в начале того пути, который нам предстоит пройти до конца, если мы не напрасно носим христианское имя. Конечно, путь этот, учитывая реальности нынешнего положения России, будет тернист и труден. Конечно, он потребует от нас мужества и мудрости, терпения и осмыслительности. Нам, вероятно, придется нелегко. Но иного пути нет!» (Митр.Иоанн. Русь Соборная. СПб, 1995 г, с.176).

Что же это за путь?

Прежде всего – путь тщательной и всесторонней проверки нашего современного церковного бытия на предмет его соответствия Священному Писанию и Священному Преданию, канонам и вековым традициям, требованиям нашей христианской и гражданской совести. И

в ходе такой проверки – если мы действительно хотим вернуться к истокам чистого православия – следует дать прямую и нелицеприятную оценку всем событиям церковной жизни после 1917 года, оценить ее результаты, выявить ошибки, наметить программу их преодоления.

Это огромная работа под силу только соборному разуму Церкви. При том в первую очередь необходимо тщательное и объективное изучение новейшей истории Церкви и истории церковной политики. По спорным вопросам – нужна открытая и нелицеприятная (но обязательно корректная и благонамеренная) дискуссия. В ходе такой дискуссии представляется совершенно невозможным избежать обсуждения проблемы внутрицерковного либерализма и модернизма, представляющих сегодня, пожалуй, главную угрозу русскому национально-религиозному возрождению.

Духовной подоплекой церковной истории последних десятилетий (а в значительной мере и всего «синодального» периода 1721-1918гг.) является противостояние Святой Руси (как явления русского православного духа) процессу мировой апостасии (т.е. вероотступничества), принимавшему в разные периоды различные формы. В области церковной политики такое противостояние вылилось в борьбу между группировками консерваторов и либералов, традиционалистов и обновленцев.

БОРЬБА ЗА ВЕРУ

В советское время вся мощь богоборческого государства была брошена на разрушение церковной традиции, на обрыв многовековых религиозных корней народной души. Все, что способствовало этому, будь то обновленческая ересь или церковные расколы, получало государственную поддержку и становилось наряду с открытыми репрессиями орудием борьбы воинствующих безбожников с Истиной Христовой.

После революции и особенно после печально знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 1927 года, положившей начало бесчисленным обвинениям РПЦ в «продажности» и «беспринципности», церковное руководство в СССР всячески старалось подчеркнуть свою приверженность чистому, неискаженному православию, свое противостояние любым обновленческим популизмам. Таким образом как бы получила оправдание проводимая им политика «умиротворения» богоборческого государства: путем тяжелейших компромиссов в организационно-кадровых вопросах достигалось главное – сохранение чистоты и неповрежденности церковного вероучения. Когда же (после Великой Отечественной войны) в церковно-государственных отношениях наступило некоторое потепление, уцелевшие иерархи поспешили воспользоваться им для того, чтобы подтвердить и укрепить репутацию Московской Патриархии как хранительницы и ревнительницы православной веры в ее двухтысячелетней полноте и неповрежденности.

Война еще не кончилась, когда 31 января 1945 года в Москве состоялся Поместный Собор, избравший на патриарший престол нового русского первосвященника. Им стал митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий I (Симанский). Весьма показательно, что в первом же своем послании «К чадам Русской Церкви» он про-

возгласил: «Долг патриарха – **хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных**, охранять вверенную ему поместную Церковь от разделений и расколов, насаждать доброе житие в своей пастве; иных “страхом спасти”, иных, по Апостолу, “обличать”, “запрещать”, да всяко некие спасутся». Вскоре такое заявление получило и свое практическое подтверждение. После преодоления в марте 1945 года эстонского раскола из богослужebной практики эстонской епархии были устранены заимствованные у протестантов новшества: пение гимнов и органная музыка (Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви 1917-1990. Издание Московской Патриархии 1994г., с.139,143).

Тремя годами позже, в июле 1948 года, в Москве состоялось Совещание глав и представителей поместных православных Церквей, ставшее вслед за Собором еще одним важным шагом в деле защиты православия от экуменических и обновленческих искажений. Оно было приурочено к 500-летию автокефалии РПЦ и собрало беспрецедентный представительный состав участников из одиннадцати Церквей.

Среди важнейших решений Совещания нельзя не отметить три резолюции: по вопросам о взаимоотношениях с Ватиканом (осудившую Рим за его подрывные действия против православия), об экуменическом движении (наложившую запрет на это еретическое начинание) и о церковном календаре (пресекающую обновленческие поползновения в этой области).

Церковное священноначалие того времени даже сумело убедить руководство СССР в том, что на данном этапе внутренние интересы РПЦ совпадают с политическими интересами государства. В составленной «компетентными органами» докладной записке, разосланной после московского всеправославного совещания Сталину, Молотову, Маленкову и Ворошилову, говорилось:

«В результате работы совещания достигнуто объединение и сплочение вокруг Московской Патриархии православных церквей Грузии, Сербии, Румынии, Болгарии, Польши и Антиохии, усиление влияния и авторитета РПЦ в международной церковной жизни.

Совещание выработало единую линию отношения к Ватикану и экуменическому движению, ...тем самым расстроив планы англо-американской реакции, пытавшейся вовлечь в экуменическое движение православные церкви» (М.В.Шкаровский. Русская Православная Церковь и советское государство в 1943-1964 годах. СПб, с. 137).

Однако оттепель в церковно-государственных отношениях длилась недолго. «После смерти Сталина ситуация резко изменилась, – пишет митрополит Иоанн. – В числе первых же постановлений ЦК по идеологическим вопросам, подготовленных под руководством Хрущева в 1954 году, своей резкой антицерковной направленностью выделялись два документа: «О крупнейших недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Они недвусмысленно знаменовали собой конец «золотого десятилетия» относительного церковно-государственного мира и фактически возвращали общество на двадцать лет назад, ко временам “безбожной” пятилетки» (Митр. Иоанн. Самодержавие духа. СПб, 1995 г., с.352).

На этот раз, учитывая провал попыток (1917-1942 годов) уничтожить Русскую Церковь откровенно террористическими, силовыми методами, в недрах советских спецслужб была разработана иная схема. Опыт репрессий показал, что наличие в среде епископата, священства и мирян даже небольшого числа стойких исповедни-

ков делает практически невозможной борьбу с РПЦ как с влиятельным духовным явлением русского национального самосознания. Практически же православных, готовых идти за веру на муки и смерть, оказалось неизмеримо больше, чем предполагали богоборцы. И уж во всяком случае – с лихвой достаточно для того, чтобы обеспечить нравственно-религиозное выживание «малого стада» верных вкупе с воспроизводством организационных структур Церкви.

Кроме того, церковные иерархи со своей стороны тоже учли печальный опыт церковных расколов и смут двадцатых-тридцатых годов. Принятое ими на Соборе 1945 года «Положение об управлении Русской Православной Церковью» резко усиливало централизацию и дееспособность церковного управления, значительно расширяя административные полномочия патриарха, епархиальных архиереев и настоятелей приходов.

Поэтому наряду с силовым давлением (в 1958-61 годах было закрыто почти две трети православных приходов и монастырей, более половины учебных заведений РПЦ) важнейшую роль в реализации нового богоборческого проекта христоненавистники отвели разложению церковной иерархии изнутри. Не имея возможности физически уничтожить верующих, сплоченных в прочную и хорошо управляемую церковную организацию, потеряв надежду разрушить, расколоть жесткую иерархическую структуру Церкви давлением извне, христоненавистники решили приложить максимум усилий для растрепки русского духовенства – главного элемента административной и духовной жизнеспособности отечественного православия.

В церковный организм они решили впрыснуть смертельный яд либерализма, разлагающе действующий на аскетический, строгий, возвышенно-мистический дух православного вероучения. Попытка КГБ в 1958-78 гг. создать внутри Церкви мощное либеральное течение под своим контролем и есть попытка практической реализации этого решения. Но старые кадры епископов и священников, прошедшие к тому времени «огонь, воду и медные трубы» ГУЛАГа и иных «прелестей» советского богоборчества, для такой задачи не годились. Для этого было необходимо искусственно вырастить, селекционировать новый духовный тип архиерея, готового не только идти на внешний компромисс с богоборческим государством, но и внутренне, душевно чуждого святыням веры и Церкви.

Впрочем, это вовсе не означало прекращения попыток организационно ослабить церковную иерархию. На Соборе 1961 года под жесточайшим давлением властей были приняты решения, значительно ослабившие влияние епископов и священников на административно-финансовую жизнь Церкви. Считая, что на мирян давить будет проще, «компетентные органы» добились фактического отстранения епархиальных архиереев и настоятелей от контроля над хозяйственной и кадровой политикой на уровне прихода.

Так, тесня Церковь с двух сторон: извне – репрессиями и ограничениями, а изнутри – либеральным перерождением и нравственным растрепанием, – богоборцы рассчитывали добиться ее полного подчинения и уничтожения...

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Возникновение влиятельной либеральной группировки в новейшей истории Русской Церкви прочно связано с именем митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), возглавлявшего во время хрущев-

ских гонений Отдел внешних церковных сношений и даже рассматривавшегося одно время в Комитете по делам религий при Совмине СССР в качестве возможного кандидата на патриарший престол.

Личность владыки Никодима и по сию пору таит в себе немало загадок. После окончания в 1955 году Ленинградской духовной академии двадцатипятилетний иеромонах Никодим был направлен в Иерусалим – в Русскую духовную миссию, которую и возглавил двумя годами позже с возведением в сан архимандрита. С этого момента начинается его феерическая карьера церковного администратора.

Не проходит и трех лет, как он – на тридцать втором году жизни – становится Председателем Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского Патриархата, постоянным членом Священного Синода и патриаршим экзархом (наместником) Западной Европы. При этом он демонстрирует предельную лояльность советской власти (мол, никаких гонений на Церковь в СССР нет, приходы не закрываются, а «укрупняются»), выступает инициатором активизации отношений между Москвой и Ватиканом и ярым сторонником вхождения РПЦ во Всемирный Совет Церквей, Европейскую Конференцию Церквей и другие международные экуменические структуры.

Чудесным образом «убедив» соответствующие органы, что для повышения международного престижа СССР необходимо, дабы руководители зарубежных церковных представительств носили архиерейский сан, митрополит Никодим, как глава ОВЦС, получил беспрецедентную возможность контролировать кадровый состав русского епископата. Осуществлявшаяся в те годы под бдительным оком КГБ обязательная и регулярная ротация зарубежных представителей Церкви (дабы они не успевали «развратиться» за рубежом) давала ему повод печь новых архиереев, словно блины. Более того, эта возможность превратила владыку Никодима – особенно в условиях строгого хрущевского запрета на несанкционированные архиерейские хиротонии – в самого влиятельного церковного деятеля России.

Было ли такое развитие событий случайным или его тщательно планировали – Бог весть, но за десять лет митрополиту Никодиму удалось «обновить» едва ли не большую половину епископата Русской Православной Церкви. И до сей поры его выдвиженцы – такие, как постоянные члены Священного Синода митрополит Кирилл (Гундяев, нынешний глава ОВЦС), митрополит Владимир (Котляров), митрополит Ювеналий (Поляков, договорившийся в 1978 году до того, что благодаря деятельности Никодима «Православная Церковь и Советское государство находятся в сердечных отношениях») и многие другие, – контролируют в Московском Патриархате ключевые позиции.

ВСЕМОГУЩИЙ ЕРЕСИАРХ

В 1961 году владыка Никодим сам попросился в Ленинград. Возглавив (одновременно с ОВЦС) питерскую епархию, он превратил Ленинградскую духовную академию в теоретический центр и оплот церковного модернизма. Очевидные обновленческие и католические симпатии митрополита вызывали среди духовенства все большую тревогу, но в условиях советской «свободы совести» перечить всевластному архиерею никто не мог...

Так продолжалось до 1971 года, который в религиозной области оказался знаменателен двумя важными событиями. В Москве под редакцией известного русского

патриота Владимира Осипова (незадолго до того вернувшегося из семилетнего заключения) начал выходить самиздатский журнал «Вече» – единственный в то время печатный орган русского христианско-патриотического самосознания. Но главным явлением церковной жизни стал, конечно, Поместный Собор РПЦ, открывшийся 30 мая в Троице-Сергиевой Лавре.

К этому-то Собору и обратились с протестом против еретической деятельности митрополита Никодима клирики и миряне Русской Церкви. Протест был облечен в форму письменного обращения в адрес Собора, подписанного священником Николаем Гайновым и тремя мирянами: Феликсом Карелиным, Львом Регельсоном (известным церковным историком) и Виктором Капитанчуком. Это обширное обращение включало в себя 150 страниц машинописного текста, разделенного на девять глав. В каждой из них авторы приводили обширные цитаты из публичных высказываний владыки Никодима, а затем делали их критический разбор с точки зрения церковного вероучения. (Весьма характерно, кстати, что важнейшая часть неправославных высказываний митрополита Никодима была сделана им на различных экуменических заседаниях и конгрессах).

В конечном итоге авторы обращения предъявляли ему три главных обвинения.

Во-первых, его обвиняли в попытках постепенно реформировать церковное вероучение в обновленческом, модернистском духе, отрицая Священное Предание и «мудрствуя не по Отцам»;

Во-вторых, в двуличии и попытке обмануть Церковь. Новое учение, говорили критики, излагается митрополитом Никодимом и его последователями нарочито двусмысленно, фрагментарно и отрывочно, избегая откровенных, четких и ясных формулировок. При этом зачастую небольшие тексты, содержащие серьезнейшие отклонения от православия, как бы невзначай вкрапливаются в пространные рассуждения на мирские темы. Таким образом преследуется цель, минуя соборное обсуждение новшеств, незаметно и исподволь изменить в Церкви духовную атмосферу;

Наконец, *в-третьих*, владыку Никодима обвиняли в постоянном превышении полномочий. Свое учение, соборно не рассмотренное и не утвержденное, он не только навязывал Церкви внутри страны, но, выступая за рубежом, преподносил его всему остальному миру как точку зрения РПЦ и руководство к жизни.

Очевидная еретичность воззрений митрополита Никодима вскоре стала ясна даже зарубежным, неправославным аналитикам. «Митрополит Никодим и его сторонники явно проводили идеи, не присущие традиционному православию», – отмечали они (Джейн Эллис. РПЦ – согласие и инакомыслие. Лондон. 1990 г., с.32).

Однако позиции новоявленного ересиарха, поддерживаемого всей мощью советской государственной машины, оказались непоколебимыми. На Соборе никто даже не заикнулся о существовании обращения, как будто его и вовсе не было! Более того, именно доклад владыки Никодима лег в основу соборных определений о продолжении экуменической деятельности РПЦ.

Но авторы обращения на этом не успокоились. Вскоре после Собора они попытались передать патриарху Пимену (Извекову, избранному на Соборе взамен почившего Алексия I) еще одно письмо. В нем эти «возмутители спокойствия» заявляли, что безразличие Собора и Патриарха к вопросам охраны чистоты православия нетерпимо. К Святейшему их, конечно, не пустили, а владыка Питирим (ныне здравствующий митрополит Во-

локоламский и Юрьевский), беседуя со всей четверкой, недвусмысленно заявил, что изучать их обращения никто не собирается. Вскоре последовали и оргвыводы: владыка Никодим получил очередную награду, а отец Николай Гайнов – очевидно, для острастки – был снят с прихода и оставлен без средств к существованию.

Под бдительным оком митрополита Никодима экуменическая деятельность РПЦ развивалась ударными темпами. Столь же быстро рос и международный престиж этого «просвещенного архиерея». С пятой ассамблеи Всемирного Совета Церквей, состоявшейся в Найроби в ноябре 1975 года, он вернулся уже с титулом председателя ВСЦ. Казалось, теперь ничто не сможет остановить либерально-экуменическое перерождение Русской Церкви.

Бог знает, чем бы закончилась столь бурная деятельность владыки, если бы в 1978 году внезапная смерть (загадочная, как и все, связанное с ним, породившая массу домыслов и слухов) не настигла митрополита Никодима после выпитой на приеме у папы римского чашки кофе. Но к этому времени ему все же удалось достигнуть главного: внутрицерковное размежевание, разделившее русское духовенство на «либералов» и «ортодоксов», состоялось...

С кончиной владыки Никодима брежневская «эпоха застоя» охватила и область церковно-государственных отношений, стабилизировавшихся в состоянии вялотекущей «холодной войны». Новая глава церковной истории открылась десятью годами позже – вместе с «перестройкой», идеологическим разгромом коммунизма и развалом СССР.

НАКАНУНЕ

Опыт церковной истории XX столетия подсказывает: сегодня мы живем накануне решительного сражения за чистоту веры, за жизнеспособность Русского Православия. Не случайно в последние несколько лет дали знать о себе все те церковные нестроения и внутренние противоречия, что подспудно зрели на протяжении многих десятилетий.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Лишь в конце восьмидесятых – начале девяностых годов крах государственного богоборчества позволил верующим гласно обсуждать накопившиеся за долгие годы внутрицерковные проблемы. И как только такое обсуждение стало открытым, выплеснувшись на страницы газет и журналов, выяснилось, что разные силы преследуют при этом несходные, порой прямо противоположные цели.

Демократы-обновленцы (вроде Глеба Якунина со товарищи), пользуясь безоговорочной поддержкой всех либеральных средств массовой информации, – бросились отлавливать в архиерейской среде «агентов КГБ». Причем, единственной целью этой шумной кампании являлась подготовка своеобразной «внутрицерковной революции», которая позволила бы поставить «консервативную» и «шовинистическую» церковную иерархию под контроль радикальных демократов. Учитывая, что большинство из них на волне демократической революции 1991 года прорвались к самым вершинам государственной власти, план обновленческого внутрицерковного переворота представлял для РПЦ в течение последних лет не меньшую угрозу, чем кэзэбэшные гонения предыдущих десятилетий*.

Но одновременно с усилением либерально-экуменической активности церковных «революционеров» в народе церковном выявилась серьезнейшая обеспокоенность рядовых верующих попытками необновленцев модернизировать Церковь «в духе времени».

«Скорбь и горечь сердечная побуждают нас обратиться к вам, – говорилось, например, в воззвании Союза православных братств Санкт-Петербурга, разосланном епархиальному духовенству 12 июля 1992 года. – Пастыри православные, прислушайтесь к гласу вопияния нашего, гласу ваших прихожан и духовных чад. Поверьте – еще бы вы ревновали о чистоте православия как издревле ревновало о том духовенство русское, не было бы у вас паствы более благодарной, послушной и благонамеренной. Но неужто семьдесят лет богоборческой власти, ужасы резни, учиненной в России изуверами-хриstopродавцами, превратили нынешних пастырей в безгласных наемников, требосовершителей, безразличных к жизни народа церковного?... Пусть зазвучат, наконец, в храмах голоса священников, безбоязненно обличающих лжеучителей-еретиков и наших доморожденных хриstopродавцев. Поверьте нам, мы не дадим в обиду таких священников».

Некоторое время церковные власти старались как бы «не замечать» обостряющегося противостояния. Значительную часть архиереев «никодимовского призыва» обновленческая агрессия вообще не волновала (митрополит Никодим и его закулисные покровители их именно по этому признаку и подбирали в свое время). А те, кто видел грозящую опасность, оказались связанными узами иерархической дисциплины. Долгие годы советского богоборчества не прошли даром – высказывать вслух свои опасения решались немногие.

Ситуация усугублялась тем, что и сам патриарх оказался увлечен (добровольно или нет – отдельный вопрос) общей либерально-демократической риторикой, под влиянием которой делал порой очень рискованные заявления. К таковым в первую очередь следует отнести скандально известную речь Алексия II, произнесенную им 13 ноября 1991 года в Нью-Йорке на встрече с иудейскими раввинами. Заявления русского Первосвященителя о том, что «мы едины с иудеями», что «единение иудаизма и христианства имеет реальную почву», а «задача Русской Церкви – помочь нашему народу победить зло шовинизма» и «в этом святом деле мы надеемся на помощь наших еврейских братьев», – вызвали в России настоящую бурю.

Пожалуй, именно это заявление Его Святейшества и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения православных патриотов. Долго зревший конфликт между церковными консерваторами и либералами вырвался, наконец, на всеобщее обозрение.

ПАТРИАРХ МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

До тех пор, пока эта буря бушевала в узком московском кругу «православной общественности», церковные иерархи не обращали на нее особого внимания. Но когда речь Алексия II была перепечатана несколькими российскими изданиями («Московские новости» №4, 1992г., «Еврейская газета» №1, 1992г.), заволновалось и духовенство. Сперва руководство РПЦ не приняло эти волнения всерьез. Такое благодушие, однако, едва не привело к расколу. Внутри Церкви образовалось целое течение «непоминающих» священников – батюшек, формально оставшихся в подчинении патриарху, но пе-

реставших, в знак протеста, поминать его имя во время церковных богослужений. Стало ясно, что ситуация грозит выйти из-под контроля.

Кроме того, православно-патриотические силы довольно неожиданно (благодаря авторитету митрополита Иоанна) получили доступ на страницы оппозиционной печати и таким образом обрели, наконец, возможность влиять на общественное мнение. Брожение умов усиливалось с каждым месяцем. Наконец глухое недовольство вылилось на страницы газет открытым письмом к Патриарху, впервые напечатанном «Советской Россией» 18 февраля 1993 года.

«Ваше Святейшество! – зывали его авторы (семь руководителей православных братств и два редактора местных православных газет). – Забота о благе Отечества и благополучии Церкви, о сохранении церковного мира, нерушимости канонических законоположений и неповрежденности апостольского вероучения заставляет нас обратиться к Вам с этим письмом». Приводя далее различные примеры обновленческого перерождения церковной политики, они просили Патриарха изменить этот губительный курс. «Молим Вас – прислушайтесь к голосу народа церковного!» – заключали авторы, предвидя в ином случае дальнейшее нарастание внутрицерковной напряженности и падение авторитета церковной власти.

Какое-то время ситуация находилась в состоянии неустойчивого равновесия. С одной стороны, церковное священноначалие испытывало сильнейшее давление «победившей демократии», требовавшей дальнейшей либерализации РПЦ, с другой – назревала вполне реальная опасность внутрицерковной смуты, спровоцированной обновленческим перерождением церковного руководства. В конце концов дальнейшее бездействие оказалось просто невозможным. Необходимость выбора стала очевидной для всех.

И такой выбор был сделан. Свою речь перед раввинами Патриарх (в достаточно узком кругу и без лишнего шума) признал ошибкой, а 20 декабря 1993 года, выступая на собрании столичного духовенства, открыто заявил, что в Церкви появилась ересь неообновленчества. В той же речи Алексей II впервые публично осудил безудержную тягу некоторых московских священников к ложно понимаемому «обновлению» церковной жизни и богослужебной практики.

Однако, одновременно он не переставал давать многочисленные интервью отечественной и зарубежной прессе, выдержанные в откровенно либеральном духе и недвусмысленно предназначенные для создания в глазах «демократической общественности» образа просвещенного архиерея, обладающего «необходимой в современных условиях широтой мышления».

Такое, видимое даже невооруженным глазом противоречие объясняется просто. Церковное священноначалие усиленно искало тот баланс сил, который позволил бы РПЦ избежать разрушительной внутренней смуты (а достичь этого можно было, лишь заявив о своей приверженности традиционному святоотеческому православию) и одновременно дал бы Церкви возможность не вступать в открытое противостояние с могущественным кланом российских либералов и их зарубежных покровителей.

Решение этой нелегкой проблемы было найдено лишь тогда, когда появились первые признаки «особых отношений» между Патриархом и Президентом Ельциным.

Руководители РПЦ прекрасно понимали, что в нынешнюю смутную эпоху единственной гарантией их благополучия и неуязвимости от нападков как «слева», так и «справа», гарантией стабильности внутрицерковного ба-

ланса сил может быть лишь благожелательное отношение новой государственной власти к конкретным персоналиям в церковном руководстве. Поэтому любые корректировки внутрицерковной политики священноначалие сопровождало недвусмысленной демонстрацией своей полной лояльности к существующему режиму. Проще говоря, в обмен на политическую поддержку Ельцина Алексей II получил свободу рук во внутрицерковной политике.

Сегодня многие считают такую позицию недопустимой и аморальной. Нельзя не признать, что вопиющая безнравственность нынешней государственной власти дает для этого достаточно оснований. И все же мне кажется, что именно сейчас неподкупным обличителям Московской Патриархии самое время вспомнить слова Христа, некогда сказанные Им людям, вполне законно судившим уличенную прелободейку.

«Кто из вас без греха, первый брось в нее камень,» – возвестил Господь (Ин. 8:7). Имеющий уши – да слышит сей Божий глас...

ОБНОВЛЕНЧЕСТВО ПОВЕРЖЕНО! ДА ЗАРАВСТВУЕТ ...ЭКУМЕНИЗМ?

Тем временем противостояние внутри Церкви не ослабевало. При этом обновленцы с лихвой компенсировали свою малую численность подавляющим перевесом в либеральных СМИ, продолжавших на все лады рекламировать еретиков (наподобие о. Александра Борисова или о. Георгия Кочеткова) как «лучшие силы Церкви». Немногочисленные представители этих «лучших сил» развили бурную деятельность. Издавались книги с апологией неообновленческих идей, направо и налево раздавались интервью отечественным и зарубежным газетам, появился даже откровенно прокатолический, агрессивно-экуменический радиоканал («Христианский церковно-общественный канал»), вещающий едва ли не по шестнадцать часов в сутки. В общем, со стороны неискушенному наблюдателю могло показаться, что внутри РПЦ горстка мракобесов-ретроградов противопоставляет благородному обновленческому движению, отстаивающему идеалы подлинной религиозной свободы.

Вскоре с обращением к Патриарху выступил Совет всероссийского Союза православных братств. В нем со ссылкой на декабрьскую (1993 года) речь Патриарха перед московским духовенством говорилось, что «наконец-то была названа своим именем – неообновленчество - та тенденция, которая развивается в некоторых московских храмах» и которую «иначе, как нечестьем, называть нельзя» («Русский Вестник» №1, 1994 год). Совет призвал Алексея II не ограничиваться словесными заявлениями и принять действенные меры против церковных модернистов, группировавшихся в Москве вокруг Сретенского братства во главе с настоятелем храма Сретения Владимирской иконы Божией Матери отцом Георгием Кочетковым.

Это обращение положило начало своеобразной «войне писем», в ходе которой обе стороны, используя близкие по духу газеты, обрушили на Патриарха поток «открытых писем», публичных обращений и взаимных обвинений. Вскоре, однако, стало ясно, что церковные либералы находятся в подавляющем меньшинстве. В адрес Алексея II посыпались коллективные обращения не только со стороны рядовых мирян, но – что и решило дело –

со стороны духовенства, преподавателей Московской духовной академии и известных общественных деятелей.

Заключительным аккордом этого противостояния стало проведение в Москве 16-17 февраля 1994 года конференции «Православие и обновленчество», где неообновленцы были буквально разгромлены. В своем итоговом документе конференция призвала «всех чад Русской Православной Церкви ревностно хранить православную веру и свято блюности отеческие традиции» («Русский Вестник» №3-6, 1994 год). Перевес «традиционалистов» был столь явным, что стало совершенно очевидно: в обозримом будущем в России церковный модернизм не имеет никаких реальных перспектив.

В результате указом Патриарха обновленческий приход о. Георгия был ликвидирован и экспансия обновленчества (во всяком случае, его наиболее агрессивных форм) подавлена. Однако, верный своей осторожной политике, Алексей II и здесь постарался обеспечить соблюдение баланса сил: одернув либералов, он под шумок разогнал и Союз православных братств, отличавшийся строптивостью и крайним консерватизмом...

Казалось бы, вслед за неудачей обновленцев подобная же участь уготована и представителям другой крупнейшей ереси современности – екуменистам. Однако проблема участия Русской Православной Церкви в екуменическом движении оказалась гораздо более крепким орешком. Мировой закулисе слишком дорого ее екуменическое детище (должествующее со временем превратиться в нравственно-религиозный фундамент глобального «нового мирового порядка»), чтобы так просто дать РПЦ выпутаться из удушающих объятий Всемирного Совета Церквей. Поэтому, несмотря на очевидное неодобрение церковным большинством екуменических поползновений «реформаторов», добиться выхода Русской Церкви из ВСЦ так и не удалось.

Политическая целесообразность оказалась сильнее призывов к очищению от екуменической ереси, и архиерейский собор 1994 года, специально рассматривавший эту проблему, принял явно половинчатое решение о «необходимости подвергнуть все вопросы, беспокоящие духовенство и мирян нашей Церкви в связи с ее участием в екуменическом движении, тщательному богословскому, пастырскому и историческому анализу и переосмыслению».

Тем не менее благотворный перелом в церковном самосознании очевиден. Особенно отраднo, что он коснулся не только активистов «православной общественности», но и священников и даже архиереев. «В наши дни екуменическим настроениям в Русской Православной Церкви успешно положили конец сами протестанты и латиняне, настолько откровенно обнажили они волчьи зубы, настолько резко кинулись на российские территории», – заметил архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир («День», 1 августа 1993 года). «Дьявольским суррогатом, пролагающим путь грядущему антихристу», назвал екуменизм митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Русь Соборная. СПб, 1995 г., с.168). Противостать «страшной угрозе екуменического всесмесительства», обличая «сатанинскую ложь екуменизма, его разрушительное воздействие на российскую государственность», публично призвал преосвященный Вениамин, епископ Владивостокский и Приморский («Советская Россия», 13 февраля 1996 года).

Это изменение баланса сил не укрылось от внешних наблюдателей.

«Опыт показывает, – опечалились демократические обозреватели, – что деятельность именно передовых священников вызывает нападки темных сил»... «В екуме-

низме заметен спад. Даже самые признанные екуменисты Московской Патриархии предпочитают сейчас либо отмалчиваться, либо обличать униатов и католиков» («Московские Новости» №31 за 1995 год). «Русская Православная Церковь оказалась неспособна осуществить историческую миссию духовного просвещения русского народа по причине того глубокого кризиса и застоя, в котором находится Московская Патриархия, препятствующая мало-мальски значительным реформам во всех сферах церковной жизни» («Сегодня», 2 июля 1994 года).

В целом, события последних лет довольно недвусмысленно показали, что здоровые силы в РПЦ мало-помалу начали возвращать себе утерянные было после хрущевских гонений и николаевских реформ позиции. Процесс этот идет от народа, «снизу», и пока в наибольшей степени коснулся мирян и провинциальных священников. В то же время определенная часть епископата и столичного священства остается оплотом немногочисленных, но влиятельных либералов.

Как бы то ни было, сегодня вполне очевидно, что исход борьбы еще далеко не ясен и главные битвы за соблюдение чистоты православного вероучения – впереди...

РУССКИЙ ЗЛТОУСТ

В этих условиях активная церковно-публицистическая деятельность митрополита Иоанна в 1992-95 годах приобрела исключительно важное значение. Заговорив открыто и нелюбезно о самых жгучих проблемах российского общества, он с удивительной быстротой превратился в живой символ русского духовного возрождения, бесспорного нравственно-религиозного лидера патриотических сил.

Разумеется, все это не могло не вызвать раздражения и озлобления могущественной «церковной номенклатуры», потому что нарушало тот баланс сил, который позволял ей оставаться хозяйкою положения в Церкви независимо от потрясений, переживаемых страной и рядовыми верующими. Кроме того:

а) Владыка Иоанн бесстрашно нарушил неписанные «правила игры», отшлифованные десятилетиями и предполагавшие келейное обсуждение всех возникающих проблем в «своем», узком кругу без привлечения к этим деликатным процессам рядовых клириков и прихожан. Обратившись через голову священноначалия непосредственно к народу церковному, он резко сузил для «церковной номенклатуры» поле возможных аппаратных манипуляций в решении важнейших, судьбоносных вопросов дальнейшего развития РПЦ.

б) Разящее слово митрополита Иоанна, не щадившее никого в порыве святой ревности о погранных святынях Руси, грозило испортить отношения церковного начальства с новыми хозяевами России, которые были охотно готовы купить политическую лояльность иерархов в обмен на щедрую «материальную помощь».

в) В этих условиях петербургский старец явился мощным центром духовной консолидации православно-патриотических сил, дотоле разрозненных и маловлиятельных. Его авторитет обеспечил им доступ в средства массовой информации, вокруг него постепенно начинала складываться та неформальная структура, которая со временем могла бы координировать весь спектр деятельности православных патриотов. Короче говоря, с течением времени митрополит Иоанн превращался в реальную общественную силу, считаться с которой были вынуждены не только церковные иерархи, но и кремлевские политики.

г) Как ни странно это звучит, но именно владыка Иоанн сделал первые шаги на пути «демократизации» церковной жизни. Ибо именно он попытался вернуть в современное церковное бытие дух подлинной соборности, предполагающий, что принимаемые «наверху» решения отражают меру общецерковного согласия, а не интересы столичных иерархов. Через него масса рядовых верующих получила возможность влиять на руководство РПЦ, и последствия этой благой перемены уже начали сказываться.

Из всего сказанного ясно, сколь яростно желали его смещения многие весьма влиятельные персоны. Пожалуй, прав автор статьи «Погром» («Советская Россия» от 18 июля 1996 г.), утверждающий, что «при жизни высокое иерархическое положение и популярность среди рядовых верующих не давали возможности при жизни отстранить владыку Иоанна от активного участия в церковной жизни. Зато его смерть была воспринята (церковными либералами – К.Д.) как сигнал к тому, чтобы восстановить свои пошатнувшиеся позиции». Думается, что под этим же углом зрения вполне правомерно рассматривать и назначение на петербургскую кафедру митрополита Владимира.

Сумеют ли либералы-экуменисты взять реванш за свои поражения последних лет? Бог ведает, а время покажет. Мне же, грешному, кажется, что главное в этой непростой, скажем прямо, ситуации – не делать трагедии из существования очевидных разногласий в церковной среде. Надо терпеливо и упорно искать пути решения проблемы. А для того в первую очередь следует приложить все силы, чтобы выявить истинную сущность внутрицерковных противоречий, зачастую скрытую, как и в светской политике, обильной и лукавой риторикой.

Лучшее средство для этого – честная и открытая публичная дискуссия. Существо противоречий, терзающих РПЦ, надо непременно донести до народа церковного, ибо именно он в своей соборной полноте является высшим судьей церковной жизни. Причем делать это следует терпеливо, ненавязчиво и беспристрастно – так, чтобы в конце концов каждый священник, каждый мирянин понял, в чем заключается проблема, и мог сделать осознанный, ответственный выбор. А в конечном итоге несогласия – если таковые еще останутся после братского обсуждения – должно вынести на соборное рассмотрение. С тем, чтобы на Поместном Соборе Русская Православная Церковь, наконец, приняла по ним окончательное решение, обязательное для всех под угрозой отлучения.

Это – единственно благодатный, канонически безупречный, истинно церковный путь, исключающий расколы.

Подчеркну, что всем нам следует крепко помнить: хранителем веры, согласно православному вероучению, является весь народ церковный. Не епископат, не клир (как у католиков), а все верующие в своей совокупности несут ответственность пред Богом за сохранность и неповрежденность Истины Христовой. Отвечать за это на Страшном суде придется каждому. Лично. И именно эта высочайшая мера ответственности есть главное основание «внутрицерковной демократии», т.е. соборности. Эту-то соборность, при которой в жизни Церкви отчетливо слышен голос церковного народа, мы и должны сегодня всемерно развивать. Она – единственная гарантия того, что либерализм немногих влиятельных иерархов будет надежно уравновешиваться приверженностью подавляющего большинства рядовых верующих к традиционному, святоотеческому, неискаженному православию...

Однако для того, чтобы соборные начала прочно вошли в нашу жизнь, необходима высокая религиозная культура общества, а ее-то пока, к сожалению, нет. Так

что до тех пор, пока мы совместными усилиями не победим религиозное варварство, торжествующее ныне в России, и проблемы, порождающие церковные нестроения и конфликты, останутся нерешенными.

ЦЕНА СВОБОДЫ

На протяжении последних десятилетий во всех перипетиях внутрицерковной борьбы, во всех извихах церковно-государственных отношений первостепенную, хотя и скрытую от глаз широкой публики роль играет Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского Патриархата. В 1996 году он отмечает полувековой юбилей своего существования. Нам представляется, что такое событие стоит того, чтобы обратить на него внимание и подвести некоторые итоги. Тем более, что история ОВЦС при внимательном рассмотрении может многое прояснить в наших нынешних церковных проблемах.

Сегодня мы публикуем первый из серии материалов, посвященных истории «особого отдела» Московского Патриархата. Главным его героем является митрополит Николай (Ярушевич) – фигура в новейшей церковной истории столь же значительная, сколь и противоречивая.

НЕМНОГО ХРОНОЛОГИИ

Формально образованный в 1918 году по решению Поместного Собора Русской Православной Церкви, ОВЦС в годы жесточайших послереволюционных гонений так и не был сформирован и никакой деятельности, конечно, развернуть не мог. Затем, когда военная угроза и очевидный провал русоненавистнической идеологии ортодоксального коммунизма заставили Сталина круто изменить курс государственной политики по отношению к РПЦ, грандиозная драма Великой Отечественной войны почти полностью заслонила собой дела текущей церковной жизни.

И только 4 апреля 1946 года Священный Синод по предложению тогдашнего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия I (Симанского) принял, наконец, решение об образовании ОВЦС и начале его практической работы. Председателем новообразованного отдела был назначен митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), архиерей опытный и влиятельный, один из основных «архитекторов» политического курса Русской Церкви в самые тяжелые годы гонений, репрессий и богоборческого террора...

Сегодня, оглядываясь назад, ясно видно, что вся пятидесятилетняя история ОВЦС довольно четко делится на четыре периода, каждый из которых имеет свое оригинальное лицо, своего героя и свою главную, господствующую идею.

Первый период существования ОВЦС (1946-1961) можно условно обозначить как эпоху «православного сталинизма». Хронологически она почти в точности совпадает со сталинским «перемирием» в церковно-государственных отношениях и прочно связана с именем первого председателя ОВЦС митрополита Николая.

Главная идея этой эпохи – «политическая лояльность в обмен на свободу веры» – связана с уверенностью в том, что ради сохранения чистоты православного вероучения церковное священноначалие может и должно идти на всяческие компромиссы и уступки государственной власти. Завершающим событием периода стала трагическая ги-

бель владыки Николая, дерзнувшего возвысить свой голос в защиту Церкви от новой волны гонений.

Второй период (1961-1978) может быть охарактеризован как «либерально-революционный» или «экуменическо-еретический». Его начало ознаменовалось настоящим внутрицерковным переворотом, внешне, возможно, малозаметным, но на долгие годы самым серьезным образом изменившим направление всей церковной политики.

Ярчайшим символом этого смутного времени является, конечно, фигура митрополита Никодима (Ротова), возглавившего под патронажем советских спецслужб ОВЦС после «силового» отстранения своего несговорчивого предшественника. Основной идеей этого периода стала капитулянтская идея о необходимости кардинальной модернизации всех сторон церковной жизни с тем, чтобы Церковь не раздражала безбожную власть в условиях возобновления Хрущевым гонений на православие и соответствовала либеральному «духу времени», возобладавшему едва ли не на всей планете.

Третий период (1978-1989) в деятельности ОВЦС точнее всего соответствует названию «эпоха застоя». Он не имеет, подобно предыдущим двум, какого-либо одного яркого представителя. Коллективным «героем» этого безвременья, в ходе которого сменилось два председателя ОВЦС – митрополит Ювеналий (Поярков) и митрополит Филарет (Вахромеев), – является фигура «аппаратного» архиерея, вполне безликого и безынициативного.

Главной идеей в этот период выступает мелкая и меркантильная идейка сохранения – любой ценой! – «конструктивных отношений» между Церковью и государством (на деле означавших лишь сохранение привилегий и материальных благ конкретными представителями церковного священноначалия, еще со сталинских времен допущенного к номенклатурной кормушке).

Четвертый (современный) период истории ОВЦС начинается с момента крушения коммунистической идеологии и советской государственности. С некоторой долей условности его отправной точкой можно считать 1989 год, когда очередным председателем ОВЦС был назначен его нынешний руководитель митрополит Кирилл (Гундяев).

При этом главными характеристиками нынешнего периода являются, с одной стороны, крах государственного атеизма и долгожданное обретение церковной свободы, а с другой – административно-территориальный кризис РПЦ (порожденный украинским, эстонским расколами, противостоянием с Зарубежной Церковью и т.д.) и обострением внутрицерковного противостояния «традиционалистов» и «обновленцев»...

Как будут развиваться события дальше, насколько мудро сумеем мы распорядиться внезапно обретенной свободой – пока еще невозможно сказать с уверенностью. Несомненно одно: в значительной мере все это зависит от того, какие выводы сделаем мы из недавних уроков своей собственной истории. Вразуми нас, Господи!

СДЕЛКА

Первый председатель ОВЦС митрополит Николай (в миру – Борис Дорофеевич Ярушевич) родился в семье священника в 1891 году в городе Ковно. Окончив с золотой медалью гимназию, талантливый юноша поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но уже через год стал слушателем духовной академии, которую и закончил в 1914 году, приняв одновременно монашеский постриг.

За три года до революции молодой отец Николай ус-

пел защитить магистерскую диссертацию по теме «Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича» и опубликовать в печати ряд других церковно-исторических и православно-патриотических работ. Вскоре обширная эрудиция и недюжинная трудоспособность создали ему авторитет одного из самых многообещающих деятелей русской церковной науки. Но революция 1917 года круто изменила его судьбу.

В 1919 году, в разгар гражданской войны и внутрицерковной «обновленческой» смуты, архимандрит Николай был назначен настоятелем Александро-Невской Лавры, а три года спустя – хиротонисан во епископа Петергофского. Его бескомпромиссная борьба с обновленческим расколом, который опирался на откровенное содействие богоборческой государственной власти, не осталась безнаказанной: в 1922 году излишне ревностного архиерея отправляют в Усть-Сысольскую ссылку.

К тому времени у владыки Николая уже вполне сложился взгляд на то, какой должна быть церковная политика в условиях господства новой власти. Вкратце его можно сформулировать так: *«Подчинение и даже сотрудничество с государством в области законодательной и гражданской приемлемо и, более того, необходимо. Но – ни под каким видом, ни в каком случае нельзя допустить никаких уступок безбожной власти в деле сохранения чистоты православного вероучения, в области собственно церковной, духовно-религиозной. Главная задача – спасти Церковь как единую централизованную организацию, как благодатный источник спасительного Божественного вероучения. Решению именно этих задач должна быть подчинена вся церковная жизнь».*

Именно такая позиция епископа Николая и предопределила всю противоречивость (можно даже сказать – весь драматизм) его дальнейшей судьбы. Впрочем, в своих убеждениях он оказался не одинок. Еще в 1922 году, в Петербурге, вместе с ним на такой линии церковной политики настаивал и епископ Алексей (Симанский, будущий патриарх в 1945-1970 гг.). Тогда оба архиерея заявили, что они признают «всецело обязательными для Церкви в лице ее представителей, как духовных, так и мирян, безусловное подчинение государственной власти».

Через пять лет, когда после жесточайшего погрома, учиненного в Русской Церкви «воинствующими безбожниками» из ЧК-ГПУ-НКВД, у руля церковного управления встал митрополит Сергей (Страгородский), такая точка зрения превратилась в официальную политику высшей церковной власти. Возможно, это и не остановило антиправославный террор, но, безусловно, оказало самое существенное влияние на дальнейшее развитие церковно-государственных отношений в СССР.

Когда Сталину, наконец, стало ясно, что гонения на Церковь являются, помимо всего прочего, крупнейшей **политической** ошибкой (а нравственно-религиозный аспект проблемы его вряд ли интересовал), он вспомнил, что некоторые представители церковного руководства еще в начале 20-х годов предлагали наладить в стране более конструктивные церковно-государственные отношения. И, конечно, не случайно 4 сентября 1943 года на историческую ночную встречу в Кремле были приглашены именно митрополиты Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич).

Результатом этой встречи стало не только прекращение антицерковных гонений, но и предоставление государством некоторой (весьма, впрочем, незначительной) помощи в восстановлении нормальной жизнедеятельности РПЦ.

Столь крутой поворот в государственной политике,

конечно, не был бескорыстным со стороны руководства СССР. По сути дела русским архиереям была предложена своего рода сделка. Церкви позволили решать свои внутренние проблемы лишь с тем условием, что священноначалие РПЦ одновременно поможет решению ряда политических (прежде всего – международных) задач, стоявших перед Советским государством.

И церковные руководители согласились на такой «размен». Не будет преувеличением сказать, что **именно с этой целью (не имеющей никакого отношения к внутренним нуждам русского православия) и был в 1946 году «реанимирован» ОВЦС.**

Сегодня, с высоты нынешних «демократических» идеалов, проще всего заклеить уступчивость иерархов и их готовность к компромиссу каким-нибудь хлестким ярлыком, вроде «вероотступничества» или «соглашательства с богоборцами». К сожалению многие, даже вполне благонамеренные представители православной общественности (особенно в русском зарубежье) именно так и поступают. Между тем, в действительности все выглядело далеко не столь просто и однозначно.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СТАЛИНИЗМ

Более того, с точки зрения трех митрополитов, присутствовавших на знаменательной встрече со Сталиным, все обстояло как раз наоборот. Судите сами: политика «умиротворения», официально проводившаяся руководством Церкви начиная с 1927 года, дала, наконец, блестящие результаты. Антицерковные репрессии прекращены. Для осуществления церковно-государственного взаимодействия образован специальный рабочий орган – Совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР. Не кто иной, как сам Сталин, лично инструктируя первого руководителя этого Совета, Георгия Карпова, дал ему, в числе прочих, следующие указания:

- Совету **не допускать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь Церкви** (*выделено мной – К.Д.*) и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность Церкви;
- Не заглядывать в карман Церкви и духовенства;
- Совету **обеспечить, чтобы епископ являлся полновластным хозяином епархии;**
- Не препятствовать образованию семинарий,

устройству свечных заводов и т.д. (Источник: Центр Хранения Современной Документации, ф.5, оп.16, д.669, лл.4-5).

Казалось бы, чего еще можно было желать Церкви после четвертьвековых свирепых гонений? Фактически богоборческое государство признало свое бессилие в борьбе с Истиной Христовой. «Итоги внезапной перемены курса стали поистине ошеломляющими, – пишет в 1994 году митрополит Иоанн (Самодержавие духа. СПб, с.320). – В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч... Русь оживала. Церковь выстояла. В беспрецедентной по своему размаху и ожесточению войне с Православием богоборцы были вынуждены отступить»...

Но за улучшение положения верующих православным иерархам пришлось все же заплатить дорогой ценой тяжелейших нравственных компромиссов, чрезвычайно болезненных для православного самосознания.

«Мы живем и будем жить под обаянием тех впечатлений, какие охватили нас в час встречи с любимым вождем всего народа, – писал митрополит Николай в Журнале Московской Патриархии (ЖМП, 1944 г., №2, с.12). – Вздолбанные и потрясенные радостью встречи с Иосифом Виссарионовичем, мы были до глубины души тронуты не только его вниманием к нуждам Церкви, но и теплой его заботой о бытовых нуждах каждого из нас. Внимание и забота о нуждах Церкви со стороны Иосифа Виссарионовича окрыляют нас... Русская Православная Церковь молитвенно благословляет жизнь и труды великого вождя страны и Красной Армии».

В послевоенные годы митрополит Николай (уже в должности председателя ОВЦС) часто выезжал в zahraniчные командировки. Уверенный в лояльности церковного руководства, Сталин пытался с помощью РПЦ расширить сферу своего влияния за рубежами СССР, особенно в ключевых геополитических регионах Европы и Ближнего Востока. Такое положение дел дало основание некоторым зарубежным аналитикам рассматривать Московскую Патриархию не больше не меньше, как «проповедника советского империализма». (См. Например, W. Fletcher The Russian Orthodox Church Underground 1917-1970, Oxford, 1971).

Действительно, в 1943-48 годах руководство СССР активно готовилось к геополитическому прорыву на юг, к Средиземноморью. Наличие в этом стратегически важном регионе обширной православной диаспоры, необходимость найти достойный противовес влиянию Ватикана, приложившего неимоверные усилия, чтобы сорвать планы советских лидеров, – все это невольно вовлекло Московскую Патриархию в самый центр тогдашней мировой политики. (М.В.Шкаровский РПЦ и Советское государство в 1943-1964 годах. СПб, 1995г., с.10).

Понимая это, владыка Николай тяжело переживал двойственность своего положения. Один из церковных деятелей эмиграции, встретившийся с ним в Лондоне, так описал свои впечатления от этой встречи: «Особенно нас поразили его светло-голубые глаза, глубоко проникавшие в душу собеседника. В нем чувствовалось огромное внутреннее напряжение человека, взявшего на себя трудный подвиг и несущего его, не сгибаясь под его непомерной тяжестью...»

Впрочем, неложно Слово Божие, гласящее, что под влиянием всемогущего Промысла даже зло «содействует благу намерением не благим». Глобальные политические аппетиты Сталина позволили Церкви не только обрести утраченное еще в первые послереволюционные годы церковное единство, не только пресечь все притязания католицизма на какое-либо влияние в границах канонической территории РПЦ, но и укрепить основы вероучения, выступив в качестве лидера всего православного мира.

Это особенно ярко проявилось на Московском Совещании глав Поместных Православных Церквей, состоявшемся в Москве в июле 1948 года. Если чекисты, «опекавшие» это мероприятие (для организации которого, кстати, было выпущено специальное распоряжение Совмина СССР от 25.02.48г.), в своем докладе начальству отмечали, что совещание «расстроило планы англо-американской реакции», то современные церковные историки склонны выделять иное: его «верность православному преданию, здоровый традиционализм и трезвость в оценке западной церковной жизни» (Протоиерей В.Цыпин История РПЦ Москва, 1994г., с 147).

КРАХ

Между тем «средиземноморские» планы Сталина довольно скоро постигла неудача. В добавок к тому Московская Патриархия мягко, но вполне определенно оказалась играть совершенно несвойственную ей роль «православного Ватикана». В результате заинтересованность государства в сотрудничестве с РПЦ резко пошла на убыль. Церковно-государственные отношения застыли в положении неустойчивого равновесия: гонения и репрессии не возобновлялись, но и дальнейшее развитие церковной организации было жестко ограничено. Достаточно сказать, что с осени 1948 года и до самой смерти Сталина правительство не разрешило Московской Патриархии открыть ни одного нового храма. А окончательное «воцарение» в 1958 году Хрущева и вообще ознаменовало новую эпоху широкомасштабных антиправославных гонений.

После смерти «вождя всех времен и народов» расклад сил в высшем руководстве страны сложился так, что в своей борьбе против «сталинского наследия» Хрущев опирался на влиятельную группу ортодоксальных партийных идеологов – М.А.Суслова, Е.А.Фурцеву, П.Н.Поспелова, Л.Ф.Ильичева, – давно (еще при жизни Сталина) выражавших решительное неодобрение «заигрываниям с церковниками». Теперь они получили полную возможность реализовать это свое недовольство на практике.

По сути дела, речь шла о принципиальном выборе идеологической модели (с перспективой на десятилетия вперед), в рамках которой будет развиваться СССР и его военно-политические сателлиты. И если сталинский вариант создания огромной военизированной империи – с опорой прежде всего на русский национальный стержень, с борьбой против космополитизма и либерализма, с поисками обновленного патриотического мировоззрения – предусматривал отказ от антиправославной риторики и включение РПЦ в имперскую политическую структуру, то возврат к ортодоксальному, интернациональному коммунизму неизбежно вел к новому витку противостояния государства и Церкви.

К чести руководства Московской Патриархии надо сказать, что ни патриарх Алексий I, ни митрополит Николай (бывший в то время вторым лицом в церковной иерархии) вовсе не стремились к соучастию в сталинском «державном строительстве». Вполне отдавая себе отчет в том, что атеистическое государство несколько не изменило своей внутренней сущности, они стремились использовать мирную передышку в первую очередь для решения насущных внутрицерковных задач.

Так, к началу 60-х годов владыка Николай практически свернул всю деятельность ОВЦС, не желая вовлекать Церковь в чуждые ее духу политические интриги. В конечном итоге именно такая его позиция и стала основанием для отстранения маститого иерарха с занимаемого поста. Ведь новый глава ОВЦС – владыка Никодим (Ротов) – обещал быть куда более сговорчивым...

Гроза над головой престарелого митрополита начала собираться в конце 50-х годов. Он, конечно, прекрасно понял, что суть новой методики антиправославных гонений заключается в разложении Церкви изнутри с тем, чтобы удушить РПЦ руками послушных церковных чиновников из самой Патриархии. Для достижения этой цели государственные органы СССР начали осуществлять массовую и целенаправленную селекцию духовенства. Кроме того, была предпринята попытка вменить в область богослужебной практики и канонического церковного устройства. То есть, государство от-

крыто и целенаправленно нарушило те негласные договоренности, которые были положены в 1943 году в основание церковно-государственного перемирия. К концу 50-х годов стало окончательно ясно: политика церковного «умиротворения» богоборцев потерпела полный крах...

ПЕРЕВОРОТ

К этому времени митрополит Николай окончательно убедился, что отступать дальше уже некуда. Если раньше уступки государственной власти в политической области можно было оправдывать необходимостью сохранения внутрицерковной свободы, то теперь участие в политических играх вокруг РПЦ превращалось в прямое пособничество гонителям Церкви.

И он решил действовать.

24 ноября 1959 года в разговоре с председателем Совета по делам РПЦ Георгием Карповым владыка Николай предельно жестко и определенно поставил вопрос о «фактах уничтожения православной Церкви». Заручившись предварительно согласием Алексия I, он от лица патриарха заявил, что «в настоящее время ведется явная линия на уничтожение Церкви и религии вообще более глубоко и широко, чем это было в 20-х годах».

По совету владыки Николая патриарх тогда же попробовал добиться личной встречи с Хрущевым, чтобы обсудить «10 самых больных вопросов» церковно-государственных отношений. Встреча не состоялась. Более того: не прошло и двух месяцев, как Карпов вызвал к себе председателя ОВЦС и в ультимативной форме заявил, что он должен прекратить свои проповеди, обличавшие новую волну богоборчества, иначе с ним и с патриархом состоится «большой разговор» и будут приняты «соответствующие меры».

В ответ 16 февраля 1960 года последовало беспрецедентное по советским меркам публичное заявление патриарха. Выступая на конференции советской общественности за разоружение, Алексий I перечислил все заслуги православной Церкви за тысячу лет русской истории, а затем сказал, что «Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки», но «что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если тысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата ада не одолеют Ее» (ЖМП 1960 г. №3, с 34-35).

После такого демарша первосвященника Георгий Карпов, как не справившийся с обработкой священноначалия РПЦ, был отправлен на пенсию, а его место занял ортодоксальный партийный функционер Владимир Куроедов.

Богоборцам стало ясно, что не сломив сопротивление «реакционных» иерархов и, в первую очередь, самого влиятельного и авторитетного из них – митрополита Николая, они не смогут даже приступить к последовательной реализации своего плана по внутреннему разложению русского духовенства. На Лубянке и на Старой площади очень опасались, что непокорный архиерей, дерзнувший вступить в открытую схватку с государством, превратится в символ православного сопротивления, в неформального духовного лидера Церкви, вокруг которого сплотятся все, кто еще не потерял живую веру и волю к борьбе.

Однако устранить строптивого митрополита законными средствами не представлялось никакой возможности. Для того, чтобы избавиться от владыки Николая и в зародыше подавить всякое сопротивление его еди-

номышленников, было необходимо совершить **настоящий внутрицерковный переворот**.

И такой переворот был осуществлен силами советских спецслужб в союзе с «либерально-революционной» группировкой молодых епископов Московской Патриархии. Как и сорок лет назад в случае с обновленческой ересью, государство в борьбе с Церковью решило использовать часть духовенства, поманив карьеристов и властолюбцев обещаниями богатства и власти.

План проведения такого переворота включал в себя три составные части.

Первым делом надо было вбить клин между патриархом и митрополитом, ибо опыт показал, что действуя совместно, они могли весьма успешно противостоять любым попыткам проведения в жизнь «новой линии» в церковно-государственных отношениях.

Во-вторых следовало формально отстранить владыку Николая от участия в руководящих органах РПЦ, лишит его административной власти, чтобы затем иметь возможность квалифицировать любые протесты архиерея как его частное мнение, не отражающее официальной позиции церковного руководства.

Наконец, на третьем этапе операции предполагалось показательной расправой с митрополитом Николаем запугать его единомышленников, обеспечить «сброс» старых кадров «реакционного» епископата и заменить освободившиеся посты молодыми и «широко мыслящими» архиереями, готовыми без лишних «предрассудков» сотрудничать с компетентными органами.

Сигналом к началу практических действий в этой области послужило предложение об отстранении владыки Николая от активной церковной деятельности, с которым в начале июня 1960 года вошли в ЦК КПСС Комитет государственной безопасности и Совет по делам РПЦ. Обоснованием для подобного предложения стали обвинения митрополита в «крайне реакционных настроениях» и нежелании разворачивать работу ОВЦС в нужном направлении. ЦК это предложение поддержал и одобрил.

Дело оставалось за малым. Теперь было необходимо вырвать согласие на отставку митрополита у патриарха Алексия I. Это, увы, оказалось не так уж сложно сделать, ибо руководство Совета давно и целенаправленно разжигало противоречия между первосвященником и митрополитом. При этом в ход шли все доступные средства: ложь, клевета, фальсификации и искусно сфабрикованные слухи. Наконец, 15 июня состоялась решающая беседа с патриархом, на которой Куроедов без обиняков предложил Алексею I снять владыку Николая с занимаемого поста.

ГОЛГОФА

В итоге 21 июня 1960 года на посту председателя ОВЦС митрополита сменил ставленник «либеральной» группировки архимандрит Никодим (Ротов), срочно возведенный ради такого случая в сан епископа. Но митрополит несмотря на это не отказался от борьбы. Он сопротивлялся, как мог. Благословил трансляцию по Би-би-си своей проповеди о нарастании антицерковных гонений в СССР. Приехавшему в Москву епископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) привел многочисленные факты вопиющих надругательств над верою и попросил его предать их гласности за рубежом. Сам пытался донести до сведения мировой общественности происходящее в России через председателя Христианских мирных конференций чешского профессора Громадку, главу американского экзархата митрополита Бориса и

других. Но, очарованное либеральной риторикой хрущевской «оттепели», мировое общественное мнение не обратило на эти призывы почти никакого внимания.

Между тем «компетентные товарищи» в СССР отнеслись к деятельности митрополита гораздо серьезней. Сперва владыку изолировали от общения с иностранцами, а затем Куроедов поставил вопрос об окончательном устраниении мятежного архиерея от участия в руководстве РПЦ.

Сперва его хотели было перевести из Москвы на другую кафедру, но он ответил категорическим отказом. Тогда, поняв, что владыка Николай, по выражению патриарха, «решил идти ва-банк», Куроедов настоял на немедленном и полном его отстранении от всех церковных дел. Такое решение было принято 15 сентября на очередной встрече руководителя Совета по делам РПЦ с патриархом Алексием I, и уже через четыре дня Священный Синод постановил освободить митрополита Николая от всех постов и уволить его «на покой».

Но и этого врагам владыки показалось мало. Зная его непреклонный характер, они не сомневались, что и в этой ситуации митрополит не отступит от своего. А значит, сохранялась возможность политической консолидации «реакционной» части русского епископата, что могло перечеркнуть все плоды внутрицерковного переворота, отдававшего церковную власть в руки более стоворчивых «либеральных» архиереев.

Выбора у христоненавистников не было – митрополита Николая надо было заставить замолчать любой ценой.

Впрочем, специалистов в этой области у советской власти всегда хватало с избытком. Не прошло и трех месяцев, как взбунтовавшийся архиерей... умер в больнице при весьма странных обстоятельствах. Это случилось 13 декабря 1961 года.

«По свидетельству очевидцев, – пишет церковный историк М.В.Шкаровский, – близкие потребовали медицинского свидетельства о смерти. Было сделано врачебное заключение, что болезнь усопшего якобы объясняется «переменой климата». У морга собралась большая толпа верующих, кричавших людям, приехавшим за телом: «Убийцы!» Сохранились анонимные письма в адрес Верховного Совета и Правительства СССР с требованиями расследовать это «несомненное убийство», но все они передавались для выявления авторов в КГБ. Кроме того, вскоре был снесен дом, где жил митрополит Николай, и закрыт храм, в котором он служил» (М.В.Шкаровский РПЦ и Советское государство в 1943-1964 годах. СПб, 1995г., с.82).

Так, ценою собственной жизни, заплатил престарелый иерарх за обретенную им долгожданную свободу: свободу от всяческих компромиссов с собственной совестью и от любых уступок богоборческой власти...

+ + +

Видимо, для того, чтобы усилить эффект от расправы с митрополитом Николаем, в 1960-61 годах были репрессированы (некоторые до, а некоторые после его смерти) еще несколько неугодных архиереев. На три года был осужден архиепископ Казанский Иов, арестован архиепископ Вениамин, скончавшийся в заключении двумя годами позднее, сослан на далекую Оренбургскую кафедру архиепископ Львовский Палладий.

Реальная власть в Церкви надолго перешла в руки представителей ее «либерально-экуменического» крыла. На авансцену церковной политики при поддержке органов государственной власти вырвалась целая группа молодых и честолюбивых архиереев, готовых в по-

гоне за властью и материальным достатком закрыть глаза на такую «мелочь», как беспрецедентное вмешательство боготорческой власти в вопросы внутреннего, многолетнего, Богоучрежденного церковного бытия.

Многие из них и до сих пор остаются наиболее влиятельными руководителями РПЦ.

Бог им судья...

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

В последнее время внимание православной общественности все чаще привлекает деятельность Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. И происходит это даже не потому, что ОВЦС оказывается в центре разного рода скандалов (как то было, например, с попыткой ввоза и продажи «гуманитарных» сигарет или с внесением в Думу своих, отдельных от Патриарха поправок к Закону о свободе совести со странным названием «От имени священноначалия»), а потому, что исключительная роль Отдела в формировании церковной политики становится все более очевидной.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ?

О значимости ОВЦС в церковной жизни России ярче всего говорит тот факт, что среди высшего священноначалия РПЦ нет практически ни одного иерарха, который бы не имел к нему отношения. Нынешний патриарх Алексей II занимал в свое время должность заместителя председателя этого Отдела. Среди шести постоянных (т.е. пожизненных) членов Священного Синода двое — митрополиты Ювеналий (Поярков) и Филарет (Вахромеев) — были председателями ОВЦС, один — митрополит Кирилл (Гундяев) и поныне является его руководителем, еще один — архиепископ Солнечногорский Сергей (Фомин) — двадцать лет, от студента семинарии до архиерея, прослужил в Отделе. Питерский митрополит Владимир (Котляров), начавший свою карьеру как представитель Московского Патриархата во Всемирном Совете Церквей, тоже именно ОВЦС обязан ее крутым взлетом.

Думается, сказано вполне достаточно для того, чтобы проиллюстрировать роль и место Отдела в пирамиде церковно-политической иерархии. Долгие годы оно определялось еще и тем, что он рассматривался соответствующими государственными органами как орудие проведения в жизнь советской внешнеполитической доктрины «борьбы за мир». Именно ради этого в начале 60-х годов Русскую Церковь заставили, **вопреки ее собственным же соборным решениям**, принять участие в мировом экуменическом движении.

При том надо с сожалением отметить, что вне зависимости от своего сегодняшнего отношения к экуменизму, едва ли не все нынешние церковные руководители в свое время были вынуждены исправно озвучивать восторги и здравницы «благородному делу церковного объединения», стыдливо умалчивая при этом о такой «мелочи», как откровенно еретические цели Всемирного Совета Церквей.

Учитывая обстоятельства времени и тиранию боготорческих властей, вряд ли стоит судить их за это слишком строго. Не всем же, подобно митрополитам Николаю (Ярушевичу) и Иоанну (Снычеву) быть исповедниками. Однако помнить о том, что было, следует хотя бы для того, чтобы реально оценивать современную внутрицерковную ситуацию и перспективы ее развития.

ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ

«Застойный» период советской истории в церковной жизни совпал со своего рода «мертвым сезоном», когда груз внешнего административно-государственного прессы и внутреннего обновленчески-экуменического перерождения едва не задавил все духовные проявления церковного бытия. Но — Бог поругаем не бывает! И в эти тяжкие времена не пресекалась благодатная жизнь Русской Церкви, не оскудевала она истинными ревнителями славы Божией, благочестивыми мирянами и заботливыми пастырями. Просто официальные мероприятия иерархов и повседневная жизнь их паствы существовали и развертывались как бы в двух параллельных, непресекающихся мирах с разными нравственными нормами и законами развития.

«Как несомненное экуменическое достижение мы рассматриваем ежедневные богослужения на заседаниях Конференции Европейских Церквей христианами разных конфессий, — возглашал, например, президент КЕЦ митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) в своем докладе на 8-й Генеральной Ассамблее этой организации, проходившей в октябре 1978 года на о. Крит. — В экуменическом плане КЕЦ видит свою основную задачу в том, чтобы... преодолевать конфессиональную замкнутость Церквей» (ЖМП № 3 1980 г., с. 59).

«Поместные православные Церкви считают экуменизм знаменем времени и видят одной из своих задач углубленное в нем участие, — вторил владыке Алексею митрополит Ювеналий (Поярков), тогдашний председатель ОВЦС, выступая в Софии на «экуменическо-православной консультации» (ЖМП №9, 1981 г., с.56).

Причем, весьма показательно, что еще со времен митрополита Никодима **все эти радикально-экуменические заявления делались русскими архиереями не в СССР, а во время их многочисленных заграничных служебных командировок. Это был явно «экспортный товар»**, предназначенный для зарубежной, «широко мыслящей» аудитории. Свою собственную паству с ее консерватизмом и приверженностью неискаженному святоотеческому православию они знали достаточно хорошо, а потому старались в экуменические тонкости церковной политики вовсе не посвящать.

Впрочем, и «невъездных» архиереев в российской глубинке, подобно большинству рядовых мирян, тоже гораздо больше интересовали совсем иные проблемы. *«Был сегодня у уполномоченного, — записал в свой дневник примерно в то же время куйбышевский епископ Иоанн (Снычев), будущий знаменитый питерский митрополит. — Все упор делает на детей. Вроде бы детям не надо и в церковь ходить. Привел мне выдержку из обращения одного священника Минской епархии к родителям. В нем говорилось, что детей воспитывает государство и вам, родителям, не надо их водить в храм. Вот ведь какой негодяй!..*

У нас тоже священники с большим страхом причащают детей, приводимых старушками. Уполномоченный грозит отнятием регистрации за причащение детей без родителей. Бедные дети, гонит их сатана от Святой Чаши, от церковности. Скорбь невыносимая за судьбу сих невинных душ и за деяния священников, находящихся в тисках ада.

Боюсь того, что если детей не станут причащать без родителей, то их не станут даже пускать в храм. Поставят в обязанность священнику не пускать детей без родителей, припугнут его, и тогда может свершиться страшное дело: отлучение, причем насильственное от-

лучение, детей от Церкви. И в этом виден злой умысел сатаны. Начнется пагубное отступление от истинного благочестия, начнется замирание духа. Остановить все это тогда будет невозможно.

От всех подобных дум и размышлений разболелась голова, хотелось рыдать и вопить к Богу: «Господи, защити нас немощных»... От туги сердечной даже немного поплакал. «Господи, — зывало мое бедное сердце, — Ты видишь, как враг поносит нас, вступишь в нашу защиту»...»

В Минской епархии в те времена при назначении священников на приход их просто принуждали подписать бумагу с обязательством не допускать присутствия детей в храме во время Богослужения. В Уфе уполномоченный издал распоряжение, согласно которому от взрослых, желающих принять Крещение, священник был обязан требовать письменное заявление с объяснением того, по каким причинам он желает креститься и почему не крестился ранее. И таких примеров — бесконечное множество.

Но одной рукой удушая Церковь в СССР, другой рукой богоборцы заставляли ее руководителей расширять «экуменические контакты», имитируя перед границей «свободу совести» и бурную активность церковной жизни...

И они имитировали...

«Оглядываясь на путь своего служения Святой Церкви, — говорил митрополит Алексей (Ридигер), благодаря богословский факультет в Праге за вручение ему диплома доктора богословия, — я счастлив, что на этом пути мне приходилось и сейчас приходится принимать живое участие в экуменической деятельности... В своей будущей богословской деятельности я буду стремиться постоянно вносить свой посильный вклад в дальнейшее развитие экуменического братства» (ЖМП №4, 1983, с.46-47).

«В XX веке слово «экуменизм» приобрело универсальный характер, — развивал ту же тему новый председатель ОВЦС митрополит Филарет (Вахромеев). — Оно определяет сущность современного движения, направленного к достижению... вероисповедного единства всех христианских Церквей. И мы признательны братьям-протестантам за то, что они первыми избрали это слово...» (ЖМП №3, 1984 г., с.61)

Конечно, можно сказать, что все это была пустая риторика, так сказать, дань вежливости. Но в Священном Писании сказано: «Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий...» (Еф. 5, 6). И еще: «За всякое слово праздное, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов твоих осудишься» (Мф. 12, 36).

ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬСЯ

Видит Бог: не для того, чтобы задеть кого-либо из церковных руководителей лично, привожу я эти цитаты. Скажу более — бессмысленно отрицать тот очевидный факт, что во многом именно благодаря благоразумию, осмотрительности и терпению русской иерархии Православная Церковь в России одолела богоборчество, пережила все лютые гонения и ныне возрождается на радость верным, на страх врагам Христовой Истины во всем мире.

Но это вовсе не означает, что за все время «безбожного пленения» руководством Патриархии не были допущены ошибки, и порой очень серьезные, в области внутрицерковной жизни и церковно-государственных отношений. Что мы не должны тщательнейшим образом проанализировать эти ошибки и сделать из них соответствующие выводы. Что нам следует терпеть существование каких бы то ни было белых пятен в новейшей церковной истории, каких бы то ни было «зон умолчания» или «неприкасае-

мых персон» в современной церковной жизни.

Спору нет — духовная власть церковной иерархии, власть архиерея, епископа, патриарха — установлена в Церкви Самим Богом. Апостол Павел, поучая рукоположенных им пастырей, засвидетельствовал, что Сам «Дух Святой поставил их блностителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян. 20, 28). Поэтому так широки и всеобъемлющи властные полномочия правящего архиерея. Православные каноны, лежащие в основании всей церковной жизни, определяют, что епископу «должно удерживать начальственное положение с духовной крепостию» (91 правило св. Апостолов) и «иметь попечение о всех церковных вещах и распоряжаться ими, яко надзирающе Богу (там же, 38 правило).

Для того, чтобы архиерей мог использовать эти огромные полномочия на пользу своей пастве, не опасаясь посягательств и не ввязываясь в губительные конфликты с «внутренней оппозицией», каноны предусмотрительно защищают его от возможных нападков и грозят непокорным тяжкими прещениями. Так, все церковное достоинство, согласно 38 и 41 апостольским правилам, должно находиться в ведении и распоряжении епископа, и, более того, никто не должен требовать от него отчета в расходе церковных средств или приношений (2 правило святого Кирилла, архиепископа Александрийского). Тех же, кто отвергает духовную власть своего архипастыря, 8 правило четвертого Вселенского Собора повелевает и вовсе «отлучать от общения церковного».

Однако наличие столь широких полномочий налагает на епископа (архиепископа, митрополита, патриарха — любого архипастыря) великую ответственность за состояние дел в епархии, за душевное, нравственно-религиозное состояние клира и паствы. Давая архиеерею большую власть, каноны категорически требуют от него личной нравственной чистоты и твердого исповедания веры.

Так, под страхом извержения из сана ему воспрещается принимать на себя «мирские попечения», т.е. заниматься делами, не имеющими отношения к церковным вопросам (6 апостольское правило). Такое же наказание грозит архиеерею, уличенному «в блудодеянии, или в клятвопреступлении, или в татьбе» (25 правило), а так же в рукоприкладстве. Отдав все церковные имущества в распоряжение епископа, апостолы одновременно предупредили, что «не позволительно ему присваивать что-либо из оных» (38 правило)...

Далее, 44 апостольское правило категорически запрещает архиеерею давать деньги в рост. Кстати, именно под это правило, грозящее извержением из сана, попадает митрополит Кирилл (Гундяев), благословивший вопиющее нарушение апостольского запрета: возглавляемый им ОВЦС стал — ни больше, не меньше — учредителем коммерческого банка «Пересвет»!

И это наглое попрание (другого слова просто не подобрать) всех норм христианской нравственности теперь регулярно тиражируется телевидением: десятки миллионов телезрителей регулярно имеют сомнительное удовольствие наблюдать рекламный ролик этого «православного» банка, в котором благообразный батюшка с золотым наперсным крестом велеречиво восхваляет «благочестие» финансовых спекулянтов, а густой баритон за кадром удовлетворенно сообщает, что коммерческое служение маммоне в банке «Пересвет» получило полное одобрение ОВЦС!

Такую же картину можно наблюдать и в отношении практического применения 45 апостольского правила, гласящего, что даже за одну совместную молитву с ере-

тиками, любой пастырь — будь то бедный приходской батюшка или влиятельный митрополит — подлежит извержению из сана. У нас же до сих пор такие молитвы являются едва ли не рядовым событием, а некоторые священники не гнушаются даже совместным служением и причащением с еретиками (например, католиками), за что и вовсе полагается отлучение от Церкви.

Ей Богу — мне, простому мирянину, даже неловко писать о том, как открыто и, я бы сказал, беззаботно нарушаются сегодня канонические установления, касающиеся сохранения и защиты чистоты вероисповедания. Ведь сколь низко должно было пасть церковное каноническое правосознание, если **вопреки прямому запрету святых апостолов (!)** архиерейский собор РПЦ в декабре 1994 года, стыдливо указав на «неоднозначное отношение к участию нашей Церкви в экуменическом движении», тем не менее постановил, что **вопросы о совместных экуменических молитвах оставляются на произвол личного усмотрения каждого епархиального архиерея!** Что, богодухновенные апостолы Иисуса Христа для нас уже не авторитет? Или мы уже не православные?..

А между тем здравомыслящие архиереи и священники не могут не понимать, что **если они ждут от своей паствы покорности и послушания в соответствии со святоотеческими установлениями, то паства, в свою очередь, тоже совершенно законно ожидает от них чистоты личной жизни и твердой защиты истин веры.** При этом, конечно, проще всего обвинить тех, кто не желает смириться с нынешним противоестественным положением, в «экстремизме» и «нарушении церковного мира». Однако нет никаких сомнений, что среди рядовых пастырей и мирян таких «экстремистов» и «нарушителей» — подавляющее большинство. И грядущий Поместный Собор (когда-то же он должен, наконец, состояться?) — если только церковному руководству удастся избежать соблазна целенаправленного манипулирования его делегатами — это наглядно докажет.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

После того, как вместе с СССР и коммунистической идеологией рухнул воинствующий государственный атеизм, многое изменилось. Нет более всемогущего Совета по делам религий, нет удушающего религиозного законодательства, нет всевидящего ока КГБ... Освободившаяся из-под гнета Русская Церковь начинает трудный процесс материального и духовного возрождения. Утихли громогласные здравицы в честь «братьев-протестантов», со страниц Журнала Московской Патриархии исчез раздел «экуменические контакты», в выступлениях русских иерархов все громче и отчетливее зазвучали слова о «защите православия» «духовной агрессии Запада» и «русском патриотизме».

Эти свидетельства благотворных перемен не могут не радовать. Но, как сказал однажды митрополит Иоанн, сегодня мы только в начале пути. Какие же следующие шаги необходимы для того, чтобы сделать эти перемены необходимыми, чтобы сбросить с церковного корабля тяжкий груз «застойного» лицемерия, чтобы закрыть последнюю страницу печальной повести о «мертвом сезоне» в жизни РПЦ?

Во-первых, **немедленно прекратить губительный процесс разрушения канонических основ церковного бытия.** То пренебрежительное отношение к канонам, которое сегодня стало едва ли не нормой, более не может быть терпимо. Оправдывая такое пренебрежение, «современ-

но мыслящие» клирики часто говорят, что в нынешних условиях выполнить полностью все святоотеческие установления, особенно в части, касающейся строгих наказаний за нравственные упущения христиан, просто не представляется возможным.

Не исключено, это действительно так. Христиане, жившие в прежние времена, были, не в пример нам, людьми чистой и высокой духовной жизни. Они даже малейший грех воспринимали как вопиющее преступление против Закона Божия, а потому и прещения, налагавшиеся даже за малые, по нашим современным меркам, нравственные проступки, поражают нас своей строгостью и категоричностью.

Но даже если, учитывая сегодняшнее растление нравов, древние каноны в нравственно-религиозной области нельзя ныне применить полностью и без изъятий, они все равно являют из себя тот идеал, к которому всем нам необходимо стремиться.

Вспомним: в Священном Писании сказано: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5 48). Есть ли на земле человек, который дерзнет утверждать, что он исполнил сию высочайшую заповедь Христову? Так что же, из-за этого ее надо вовсе отменить? Этак мы мало-помалу отменим все нравственные нормы, соответствовать которым не способны по своей греховности и порочности! Но тогда христианство и вовсе угаснет, останутся одни «современно мыслящие» лицемеры с лукавым лозунгом простительности «естественных» грехов, пороков и страстей...

Кроме того, что касается канонических установлений, относящихся к защите чистоты православного вероисповедания и непримиримой борьбе с ересями, то они относятся к области церковно-административной и не требуют от нас ничего, кроме приверженности неискаженному апостольскому вероучению и готовности твердо его исповедовать перед лицом внешнего мира. Так что жалобы на строгость и «практическую неисполнимость» канонов в этой области являются не более, чем лукавой отговоркой...

Во-вторых, **нам всем без исключения следует отказаться от порочной политики «двойных стандартов», когда на потребу внешней конъюнктуры, в погоне за симпатиями «во зле лежащего» мира говорится одно, для внутреннего потребления - совершенно другое, а на деле реализуется нечто вовсе не соответствующее никаким словам.**

Между тем, именно такой «диалектичный» стиль по-прежнему присущ деятельности ОВЦС. И как ни странно, пример своим сотрудникам в этом малопочтенном занятии подает сам митрополит Кирилл (Гундяев), возглавивший Отдел в 1989 году на волне «перестройки» и «гласности».

И НАШИМ, И ВАШИМ?

Буквально с первого момента своего назначения новый руководитель Отдела весьма активно взялся за расширение сферы влияния ОВЦС. В результате осенью 1992 года был утвержден новый Устав Отдела, предоставивший ОВЦС и его руководителю беспрецедентно широкие полномочия.

В результате, сегодня ведению митрополита Кирилла подлежат:

«1. Взаимосвязи Русской Православной Церкви с внешним миром, как на канонической территории, так и за ее пределами по всем насущным вопросам...»

2. Связи со средствами массовой информации в целях предоставления наиболее полной и авторитетной информации о служении Церкви, ее позициях по общественно значимым вопросам...

3. Связь Высшей церковной власти с учреждениями Русской Православной Церкви, расположенными за пределами ее канонической территории по всем вопросам их жизнедеятельности...

4. Поддержание и развитие всесторонних братских связей Поместных Православных Церквей...

5. Установление и укрепление братских связей с инославными церквями и религиозными объединениями, всемирными, региональными и национальными конфессиональными и межконфессиональными организациями и движениями...

Кроме того, 11 октября 1996 года владыка постановлением Священного Синода Кирилл стал, ко всему прочему, председателем «Специальной группы по выработке проекта концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом»...

Результат закономерен: в церковном организме Московского Патриархата ОВЦС де-факто представляет собой некое «государство в государстве», деятельность которого проконтролировать полностью сегодня уже не способен никто, даже Патриарх и Священный Синод. При этом, сознавая прочность своего нынешнего положения и **предполагая, очевидно, сделать Отдел надежной опорой для грядущей борьбы за патриарший престол, митрополит Кирилл стремится и дальше расширить зону своего влияния — равно внутри Церкви и в среде ведущих российских политических сил.**

В политике для решения такой задачи ему необходимо усидеть одновременно на двух стульях: во-первых, сохранить влиятельных друзей и покровителей среди нынешних государственных чиновников и руководителей СМИ, богатых банкиров и удачливых бизнесменов «либерально-демократического» призыва; а во-вторых, в то же самое время, имея в виду возможные перемены в Кремле, наладить хорошие отношения с лидерами патриотической оппозиции.

Внутри Церкви митрополита тоже поджидает аналогичная проблема: с одной стороны, ему во что бы то ни стало надо остаться лидером влиятельной либерально-экуменической группировки архиереев-«никодимовцев», но с другой — любой ценой смягчить свои одиозный обновленческо-экуменический имидж в глазах церковных консерваторов и православных патриотов.

Обе эти конъюнктурные задачи сами по себе не имеют никакого отношения ни к нуждам Русской Церкви, ни к православию вообще. Соответственно и решает их владыка Кирилл вполне в духе современного циничного «политического прагматизма»: говорит каждому именно то, что от него хотят услышать. Однако этот прием хорош лишь до тех пор, пока такая практика «двойных стандартов» не становится достоинством гласности и предметом общественного внимания.

До сих пор председателю ОВЦС удавалось избегать публичных объяснений на такую щекотливую тему. Но так не может продолжаться вечно. А это значит, что рано или поздно ему придется отвечать на весьма неприятные вопросы. Например, на такие.

Когда, Высокопреосвященнейший Владыка, вы были искренни: когда заявляли о том, что переход из католичества в православие является заблуждением («Московские Новости» 26.1.92) и благословляли подписание в ливанском городе Баламанде новой унии с католиками (а подписанный там игуменом Нестором (Жилиевым) документ признает католическую ересь благодатной «церковью-сестрой») или когда с высокой трибуны I Всемирного Русского Собора вдохновенно вешали о «пра-

вославных корнях русского патриотизма»? Когда во главе ОВЦС совместно с протестантами «Миссии Европы» организовывали скандально-знаменитую прозелитическую акцию «Волга-92» («Московские Новости» 15. 11. 92) или рассуждали на II Всемирном Русском Соборе о «православном идеале Святой Руси»?

Почему, находясь в январе 1996 года в Нью-Йорке на экуменическом приеме у главы Армянской Церкви США, исповедующей монофизитскую ересь, вы заявляете, что она «воспринимается Русской Церковью как православная», что «мы разделяем общую веру и догматы» (The Armenian Church, March/April 1996), а в интервью отечественной прессе говорите, что «в соглашениях о вере не может быть альтернативы» («Независимая Газета» 28.11.96).

Да, кстати — а было ли, владыка, согласованно с Патриархом это ваше заявление о признании еретиков-монофизитов, анафематствованных еще четвертым Вселенским собором, православными? Если верить прессе, вы сделали его от лица всей полноты Русской Православной Церкви. Но ведь от ее лица могут говорить лишь сам Патриарх, Священный Синод, церковный собор или те, кому они это поручат...

В общем, глядя на такую словесную эквилибристику, трудно удержаться от предупреждения: господа политики, если вы действительно заинтересованы в том, чтобы получить поддержку народа церковного, не дай вам Бог таких союзников и попутчиков. Честное слово, себе дороже выйдет...

ВОЛКИ

*Злодеи злодействуют,
и злодействуют злодеи злодейски...
(Ис. 24, 16)*

С того момента, как Русская Церковь освободилась от ярма государственного богоборчества, прошло не так уж много времени. Однако в эти несколько лет уместилось столько событий, что в иных условиях хватило бы на десятилетия. Украинский, эстонский, молдавский расколы, агрессия тоталитарных сект, открытие «параллельных» приходов «зарубежниками», восстановление храма Христа Спасителя, пламенная проповедь петербургского митрополита Иоанна, разрыв канонических отношений с Константинополем, обостренное противостояние обновленцев и традиционалистов... И это — далеко не полный перечень.

Церковное самосознание, стремясь к ясности понимания нашего нынешнего положения, прошло за последние годы большой, зачастую болезненный путь. Но трудности и скорби, понесенные на этом пути, не были напрасными и дали-таки свой добрый плод. Во всяком случае в настоящее время в сознании православной общественности уже вполне отчетливо вырисовались основные проблемы нашей церковной жизни, ее главные «болевые точки» и опасности, грозящие мирному и немятежному течению церковного бытия.

Суть этих опасностей и проблем можно выразить одной фразой: **благодатные недра Русской Церкви разъедают (увы, при поддержке определенной части епископата) две пагубные болезни, две коварные ереси — обновленчество и экуменизм.** Они, конечно, еще не поразили всю полноту церковного организма, но если мы не предпримем срочных и энергичных мер соборного врачевания, то со временем церковную жизнь ожидают страшные нестроения и мятежи, расколы и смуты...

Многие православные не слишком задумываются о том, что из себя представляет современное экуменическое движение, что такое ВСЦ и какова в нем роль Русской Церкви. Считают, что вся эта «церковная политика» их не касается. И не интересуются — что там, в экуменических центрах, происходит. А зря. Ибо там процветают вопиющее беззаконие и бесстыдное поправление всех норм христианского вероучения и нравственности. Ей Богу, если бы экуменисты сами не писали откровенно обо всем происходящем в своих журналах и пресс-релизах, во многое из этого было бы просто невозможно поверить.

Впрочем, чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров.

ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ ЦЕРКВЕЙ: СОДОМИТЫ В СВЯЩЕННЫХ ОДЕЖДАХ

Согласно решению центрального комитета Всемирного совета церквей, местом проведения его очередной Генеральной ассамблеи в 1998 году выбрана столица Зимбабве — Хараре. Однако уже в сентябре 96-го это решение было подвергнуто на очередном заседании ЦК ВСЦ острой критике. Причиной разгоревшийся дискуссии стали письма, пришедшие в женевскую штаб-квартиру этой организации от... зимбабвийских лесбиянок и гомосексуалистов!

Авторы писем жаловались во Всемирный совет церквей, что президент Зимбабве Роберт Мугабе, попирая все правила демократического плюрализма, объявил в своей стране «сексуальным меньшинствам» настоящую войну и они теперь лишены «законного права» беспрепятственно реализовывать свои извращенные симпатии.

Сей вопль обиженных педерастов вызвал в Женеве острую полемику. Значительная часть членов ЦК ВСЦ стала настаивать на безусловном переносе Генеральной ассамблеи из Хараре в другой город, мотивируя это тем, что они не смогут спокойно заниматься достижением экуменического «христианского единства», если будут знать, что рядом притесняют несчастных геев и лесбиянок.

Генеральному секретарю ВСЦ Конраду Райзеру с большим трудом удалось погасить конфликт. И то, только после того, как он лично встретился с президентом Мугабе и получил его заверения в том, что если кому-то из обиженных экуменистов захочется провести акцию поддержки зимбабвийских извращенцев, то правительство страны не будет чинить им в этом препятствий. А чтобы ни у кого не осталось сомнений в победе плюрализма, вся эта история была описана на страницах очередного выпуска международного экуменического журнала «Ecumenical News International»!..

Впрочем, досточтимый г-н Райзер уже имел значительный опыт урегулирования подобных конфликтов. Еще в январе 1994 года в Йоганнесбурге, в Южноафриканской Республике, состоялось заседание центрального комитета ВСЦ, на котором было предложено «обратить особое внимание на нападки на женщин-лесбиянок» и принять по этому поводу специальное заявление. Когда же представители православных церквей заявили о необходимости вставить в такой документ призыв к содомитам покаяться — оно было отвергнуто как слишком радикальное!

И это вовсе не единичные факты. Экуменическое движение до самых глубин поражено духом, прямо враждебным Закону Божию и Заповедям Христовым. В октябре 1996 года в Англии ведущая популярной радиопрограммы Энн Эткинс обвинила руководство Англиканской Церкви (тоже, кстати, являющейся членом ВСЦ) в потвор-

стве порокам и попрании самих основ христианской морали. Поводом для ее выступления стала подготовка к празднованию 20-летнего юбилея *Движения христиан-гомосексуалистов и лесбиянок* (!!! — К.Д.), которое должно было состояться в лондонском Саутгартском соборе.

Впрочем, этот скандал быстро забылся. Да и в самом деле, о чем тут говорить, если еще в 1989 году англиканский епископ Ньюарка Джек Спонг «рукоположил» в «священники» известного гомосексуалиста Роберта Уильямса. В 1991 году он «посвятил» в «священный сан» еще одного педераста, Берри Стофела, о чем не замедлил поведать миру экуменический журнал «Ecumenical Press Service» (№28 за 1991г.). Однако очень скоро его превзошел в «широте взглядов» коллега из Вашингтона, Рональд Хейнз, который «рукоположил во иереи» женщину-лесбиянку, Елизавету Карл («Ecumenical Press Service» №25 за 1991г.).

Более того, пропагандируя свой «передовой» опыт, Джек Спонг написал книгу «Спасая Библию от фундаментализма», в которой, в частности, утверждает, что мужеложником был... святой первоверховный апостол Павел!! Видит Бог, христианину омерзительно даже упоминать об этом пасквиле, но делать это сегодня в России, на мой взгляд, необходимо. **Православные должны знать, в какую бездну мерзости увлекают их архиереи-экуменисты, подобные митрополиту Владимиру (Котлярову), который публично с амвона призывает нас «сесть и поговорить» с подобными «братьями-христианами» «о том, кто правильно молится, кто правильно исповедует...»** (проповедь в Иоанновском монастыре 2.01.97. Стенограмма).

Не зря в свое время известный экуменист митрополит трансильванский Антоний признал: «Пожалуй, это счастье для экуменического движения, что православный народ не знает, что на самом деле творится в Женеве, в резиденции ВСЦ» (№ 13/1-15. 09. 1994, с. 500а). Отсюда вывод: для того, чтобы показать истинное лицо экуменизма, необходимо максимально полно информировать православную общественность о том, что на самом деле кроется за респектабельной вывеской «борьбы за христианское единство».

Возможно, тогда излишне доверчивые православные русские люди по-другому станут воспринимать заявления митрополита Кирилла (Гундяева) о том, что «Русская Церковь неразрывно связана с экуменическим движением», и Генсека ВСЦ Конрада Райзера, утверждавшего в интервью «Московским Новостям» (№38, 1996 г.), что «экуменизм не влечет за собой богословского, литургического или обрядового компромисса, не ищет разрушения того, что принадлежит Истине, что принадлежит Христу». Кстати, весьма двусмысленными на этом фоне выглядят и комплименты владыке Кириллу со стороны Райзера, называющего митрополита «десятелем, преданным экуменическому движению».

Да и утверждение генсека ВСЦ, будто «с 1961 года Русская Православная Церковь играет центральную роль в жизни Всемирного Совета Церквей», порождает массу вопросов. Что, РПЦ (столь влиятельная, по словам Райзера, в Совете) согласна с практикой рукоположений половых извращенцев? Или не может воспрепятствовать кошунственному обсуждению этой темы в ЦК ВСЦ? Или просто-напросто не считает сей факт препятствием для своего участия в экуменическом движении?..

УНИАТЫ АТАКУЮТ

Впрочем, проблема экуменических контактов с инославными не исчерпывается одним лишь конфликтом во-

круг участия Русской Церкви в еретическом Всемирном совете церквей. **Ничуть не менее остро стоит вопрос о православно-католических отношениях.** Причем наличие в РПЦ активной прокатолической (по сути дела — униатской) фракции, состоящей из архиереев-никодимовцев, преподавателей Санкт-Петербургской духовной академии и некоторых представителей столичного духовенства, позволяет предположить, что противостояние по этому вопросу в ближайшем будущем будет обостряться.

Этот вариант развития событий представляется тем более вероятным, что сами униаты внутри РПЦ (после развала СССР, торжества «плюрализма» и «демократии», а особенно — после смерти митрополита Иоанна и назначения постоянным членом Священного Синода митрополита Владимира) практически перестали скрывать свои намерения «окатоличить» Россию.

Наиболее рьяные никодимовцы не скрывали этого и раньше. Сам владыка Никодим (Ротов) говорил о необходимости унии едва ли не в открытую еще в середине 70-х годов. Его ближайший ученик, владыка Кирилл (Гундяев) летом 1983 года на VI ассамблее ВСЦ в Ванкувере совместно с католиками участвовал в так называемой «экуменической литургии», составленной французом Максом Турианом, во время которой возглашал: «Помолимся, чтобы мы могли вскоре достигнуть видимого общения в теле Христовом путем преломления хлеба и благословения чаши вокруг одного стола».

Известные исследователи экуменизма из Болгарии архимандриты Серафим (Алексиев) и Сергей (Язаджиев) пишут, что «кощунственный смысл этих слов не требует даже комментариев», а своим сослужением в этом еретическом сборище владыка Кирилл «грубо пограл не только 10-е и 45-е апостольские правила, но и все православное предание» («Почему православному христианину нельзя быть экуменистом», СПб, 1992 г. с.67).

Однако такого рода протесты мало волнуют никодимовцев. Например, епископ Виленский и Литовский Хризостом (Мартишкин) — еще один ставленник митрополита Никодима, бывший в 1972-1981 годах заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений — неоднократно разрешал униатам совершать службу в православном соборе Вильнюса, а в интервью газете «Известия» (30.11.1991) и вовсе заявил, что «не видит ничего плохого», если кто-нибудь из его паствы станет католиком и таким образом «приобщится к христианской нравственности»!

Со временем униаты и вовсе перестали стесняться. Нынешний викарий митрополита Кирилла **епископ Балтийский Пантелеимон в 1996 году публично позволил себе совершенно беспрецедентное высказывание, открыто заявив, что «католики причащались в наших храмах, священники совершали для них молитвы».** Причем опубликованы эти его слова были не где-нибудь, а в газете под названием «Ведомости православной жизни» (№2/12, 1996)!

«Калининградский католический вестник» (№2, 1996) тут же с удовольствием уточнил: «Совместные молитвы провели: епископ балтийский Пантелеимон, викарий митрополита Кирилла Гундяева, и аббат Тевтонского ордена Арнольд». Уточним и мы: этот Тевтонский орден, между прочим, — тот самый, с которым воевал еще святой благоверный князь Александр Невский, защищая Русь от латинских притязаний! Впрочем, чего ожидать от викария, если сам митрополит Кирилл еще в конце 1992 года представил Священному Синоду рапорт о внесении в святцы Русской Православной Церкви пражского епископа Адалберта († 997 г. по Р.Х.), канонизированного католиками в качестве «первого христианско-

го миссионера в Восточной Пруссии» и известного русской истории как яростный гонитель славянского богослужения, непримиримый противник «просветителей славян», святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Что же касается совместного богослужения, то еще в 1969 году, будучи простым диаконом, отец Кирилл — по свидетельству католического журнала «Истина и жизнь» (№2, 1995 г.) — сослужил в церкви ленинградской Духовной академии литургию с известным католиком-иезуитом Мигелем Арранцем, личным переводчиком папы римского Павла VI. Этот господин Арранц, человек в Ватикане весьма влиятельный, потом в течение пяти лет по приглашению митрополита Никодима (Ротова) преподавал в православной Духовной академии. Каждое воскресенье он, по собственным воспоминаниям, «причащался на Литургии вместе со всеми православными клириками. А по будням служил Мессу у себя в комнате».

С середины 70-х профессор-иезуит больше в академии не преподавал, но вот, после назначения на Петербургскую кафедру владыки Владимира (Котлярова), опять появился в городе на Неве. 24 ноября 1996 года он участвовал в богослужении в храме Воскресения Христова, что на Обводном канале, а затем читал лекцию по литургике в православной воскресной школе для взрослых.

Подобные примеры характерны, увы, не только для Петербурга и Вильнюса, Калининграда и Москвы. Все явственнее и сильнее ощущается католическое влияние и в российской глубинке. Однако столь откровенное и бесстыдное попрание униатами православных канонов и святоотеческого предания не могло не вызвать ответной реакции.

Как говорится, нет худа без добра. **Вороватая российская демократия, открыв все шлюзы для духовной агрессии против православия на Руси, одновременно способствовала очищению русского национально-религиозного самосознания, поневоле разбуженного шумной «плюралистической» вакханалией.** Атака униатов натолкнулась на стойкое сопротивление рядовых верующих, провинциальных священников, профессорско-преподавательского состава московской Духовной академии и «ортодоксальной» части епископата.

«Ваше Святейшество! — писали Патриарху Алексию II в конце 1995 года 109 клириков и преподавателей духовных школ Москвы и Подмосковья. — В условиях активной экспансии римо-католичества нас особенностораживает открытое сотрудничество некоторых клириков нашей Церкви с теми католическими структурами, которые занимаются прозелитизмом на территории России». Приводя многочисленные примеры такого сотрудничества, авторы обращения заключали: «Ватикан пытается создать внутри Русской Православной Церкви прослойку духовенства, лояльную к католическому вероучению и служащую делу заключения унии».

К сожалению, будучи связанными узами иерархической церковной дисциплины, батюшки не решились в этом документе открыто назвать и епископов-униатов, покрывающих своей архиерейской властью еретических священников. Однако сам тон обращения не оставлял сомнения в том, сколь глубоко оскорблены чувства православных клириков откровенно антиканоническими действиями вероотступников.

Через год после этого обращения письмо аналогичного содержания направили Новосибирскому епископу Сергию тридцать три подчиненных ему священнослужителя, возмущенных прокатолическими симпатиями своего архиерея. «Сообщения о совместных служениях православных с католиками, которые стали появляться последнее время в печати, не могут не тревожить нас,

пастырей Русской Православной Церкви, ведь мы давали присягу перед Святым Крестом и Евангелием соблюдать стадо Христово в церковной ограде и верности Святой Православной вере, — писали клирики. — Контакты с католицизмом опасны, ибо влекут за собой проникновение в нашу церковную среду богословского модернизма, ведут к нестроениям и расколам, угрожают отпавшим от Святоотеческого Православия лишением спасения».

В этом документе обращает на себя внимание тот факт, что батюшки не просто высказывают недовольство католической экспансией, но пытаются подкрепить свое мнение соборным авторитетом канонически безупречных документов: Окружного послания восточных патриархов 1848 года, Окружного Патриаршего и Синодального послания Константинопольской Церкви 1895 года и других, **недвусмысленно и ясно определивших католицизм как несомненную ересь**. Причем делается это явно для того, чтобы дать достойный отпор высокопоставленным екуменистам, заявляющим, подобно минскому митрополиту Филарету (Вахромееву), будто бы «католики отпали от общения с Православной Церковью, но не были осуждены соборно как еретики».

Впрочем, можно предположить, что на Московское священноначалие все это не произвело бы особого впечатления, **если б в последнее время явственно не обозначила себя непримиримая оппозиция никодимовщине внутри самого епископата**.

Наиболее показательной и лаконичной в этом отношении является резолюция, наложенная Курганским епископом Михаилом в конце прошлого года на письме, разосланном из Питера всем архиереям и описывавшем братание с католиками в Царском Селе (См. «Русь Православную» №42 от 5.12 1996). Она гласит: «Возмутительно. Обратитесь к Архиерейскому Собору, который состоится 18-22 февраля 1997 года. Нет ереси худшей и подлейшей, чем католицизм». Думается, что эту точку зрения разделяют и многие другие архиереи, а потому ближайшее время станет для РПЦ временем серьезного испытания на верность православию и благодатное внутреннее единство.

При этом нам было бы весьма полезно вспомнить, что когда к знаменитому исповеднику XV века святителю Марку Эфесскому обратились с вопросом, как относиться к некоему епископу, служащему вместе с латинянами, подвижник ответил: «Всеми способами избегать общения с ним, и не сослужить ему, ни вообще помянуть его, и считать не архиереем, но волком». О таких и Священное Писание предупреждает нас: «...Войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте...» (Деян. 20,29).

В наше смутное время кто-то должен, наконец, набраться смелости и назвать вещи своими именами, открыто сказав, что все эти кириллы, владимиры, хризостомы, пантелеимоны и иные, подобные им — не православные пастыри, но прямые вероотступники, и именно к ним относится грозное определение Христа: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в волчьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7,15). Молчать далее недопустимо, ибо это тот самый случай, о котором Святые Отцы сказали: «**Молчанием предается Бог**».

Наш же, православных, прямой долг — хранить святые ни веры в чистоте и неповрежденности, отстаивая, если понадобится, сию чистоту даже до пролития крови своей...

«НОВОЕ» ОБНОВЛЕНЧЕСТВО

В 1967 году православный архиепископ Иаковос (Кукузис), представитель Константинопольской патриархии в Америке и управляющий греческой зарубежной епархией, рьяный екуменист, открыто заявил: «Мы нуждаемся в новом христианстве, основанном на совершенно новых понятиях и терминах... Будущим поколениям мы не можем преподать принятую нами форму религии».

Не надо быть ученым богословом, чтобы понять, что **такое «обновление» грозит христианству полным уничтожением, а Православной Церкви - расколом, потерей Божественной благодати и превращением в послушное орудие грядущего антихриста**. Вот почему проблема обновленчества, наряду с екуменизмом и униатством, является одной из важнейших проблем современной церковной жизни.

Россия впервые столкнулась с обновленческой ересью (под видом печально знаменитой «ереси жидовствующих») еще во времена Иоанна III, в XV столетии по Рождестве Христовом. Жидовствующие еретики не признавали церковные таинства, ругались над иконами, отрицали церковное предание и стремились тайно поставить под свой контроль высшую церковную и государственную власть, чтобы затем приступить к реформам «устаревшего» православия. Однако несмотря на то, что на некоторое время им удалось вовлечь в свои планы даже княгиню Елену, невестку великого князя Иоанна и московского митрополита Зосиму, в 1504 году на соборе ересь была предана проклятию, а главные еретики осуждены на казнь.

Вторично Русская Церковь испытала на себе все тяготы обновленческой смуты, когда либерально-демократическая часть духовенства решила воспользоваться революционными потрясениями 1917 года для захвата высшей церковной власти и «обновления» православия «в духе времени, в соответствии с мировым прогрессом». И на этот раз главной мишенью обновленцев стала многовековая церковная традиция, признанная «реакционной» и «черносотенной», а потому ни на что не годной.

Но и на этот раз ересь захлебнулась. Главным поражением обновленцев стал Поместный собор 1917-1918 годов, на котором вопреки их ожесточеннейшему сопротивлению было восстановлено патриаршество и утверждены древние традиционные основы русской церковной жизни в новых условиях. Несмотря на то, что и после этого собора обновленцы еще долгие годы травили законную русскую иерархию, не гнушаясь при этом политическими доносами и прямым сотрудничеством с ЧК-ГПУ-НКВД, народ церковный в подавляющем большинстве отверг обновленчество и остался верен чистому святоотеческому православию.

Сегодня, похоже, РПЦ в третий раз оказалась на грани обновленческого раскола.

Опыт церковной истории двух последних столетий показал: главным символом современного обновленчества является переход на новый календарный стиль в богослужении.

Спор о церковном календаре ведется аж с XVI века. Русская Церковь доселе отсчитывает годовой круг богослужений и церковных праздников по старому, так называемому «юлианскому» календарю, по которому жили еще первохристианские общины. Однако в 1582 году папа римский Григорий XIII решил «подправить» древний календарь в соответствии с данными «передовой» науки. Так появился новый, «григорианский» стиль, временная разница которого со старым составляет на сегодняшний день 13 суток. С того момента Православная Церковь не раз соборно осуждала введение нового сти-

ВЛАСТЬ И СОВЕСТЬ

ля как деяние, противное всем канонам, а самих новостильников — как вероотступников и еретиков.

Почему реакция Вселенского Православия на незначительное и, казалось бы, чисто внешнее изменение, была столь жесткой — тема отдельного разговора и к ней мы еще обязательно вернемся. Сейчас же для нас важен сам факт: **новый стиль, согласно православному взгляду, является недопустимой ересью.**

На этом фоне открытым вызовом Церкви является проповедь, произнесенная митрополитом Владимиром (Котляровым) 2 января 1997 года, в день памяти святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, в Иоанновском монастыре Санкт-Петербурга и повергшая в шок православную общественность города. Цитирую стенограмму:

«Мы с вами находимся еще сейчас в таком дремучем состоянии, - заявил митрополит с амвона. - Почти весь православный мир перешел на григорианский календарь. Празднует Рождество по григорианскому календарю -25 декабря, как и полагается... Только мы - Россия и Сербия и несколько приходов в Греции - старостильники, мы умнее всех и лучше всех. И мы ждем, когда пройдут 13 дней и когда мы сможем праздновать по старому юлианскому календарю, по которому никто уже и нигде не живет...»

И вот, если бы был отец Иоанн, то он, конечно бы все это исправил. Он бы сейчас во весь голос стал бы говорить, что нужно исправлять...»

На этом месте бесстрастная стенограмма фиксирует: *«Шум в храме. Выкрики: «Не стал бы он этого говорить!», «Не будет этого!»... Шум нарастает. Митрополит пытается продолжить проповедь. Крики: «Еретик!», «Иуда!», «Волк!», «Анафема!» — и другие подобные. Волнение продолжается, пока владыка Владимир не сходит с амвона.»*

Прослушав пленку с этой еретической проповедью, так и хочется сказать: православные, очнитесь! Это — прямой вызов всем нам, открытая и ясная декларация вероотступника-еретика, занимающего в современной церковной иерархии один из высших постов! И не зря сия проповедь произнесена именно в день памяти св. Иоанна Кронштадтского, известного своей непримиримой борьбой за чистоту православия. Да еще накануне Архиерейского Собора! Да еще в ставропигиальном, то есть патриаршем монастыре, административно не входящем в состав Питерской епархии и формально не подчиняющемся митрополиту Владимиру. Его выступление — программное выступление одного из лидеров либерально-обновленческой группировки русского епископата, демонстрирующей таким образом свое растущее влияние и независимость даже от патриаршей власти!

Похоже, патриарх Алексей II начинает терять контроль над внутрицерковной ситуацией и уже не может поддерживать баланс сил даже внутри высшего священноначалия Московской Патриархии. Или он согласен с обновленческими идеями своего коллеги? В этом случае нелишне будет напомнить, что 15 правило Двукратного собора категорически повелевает всем христианам, **не дожидаясь церковного суда и соборного определения,** отступить от общения с тем епископом, который публично с амвона проповедует ересь, осужденную Церковью и Святыми Отцами.

«А ну-ка, попробуйте!» — как бы провоцирует прихожан митрополит Владимир, уверенный, очевидно, в своей полной безнаказанности... Почему же стало возможным столь открытое и вызывающее презрение высших церковных иерархов к православным канонам, к настроениям церковных «низов», к воле огромного большинства рядовых клириков и прихожан?

Ответ прост. Уверенность екуменистов и обновленцев, подобных митрополиту Владимиру и митрополиту Кириллу, в своей безнаказанности, зиждется на том, что современное административное устройство Московской Патриархии не предусматривает никаких мер воздействия против постоянных, то есть пожизненных членов Священного Синода. Попадая в число этих церковных «членов политбюро», иерарх как бы автоматически выводится из-под какого бы то ни было влияния церковной общественности (даже из-под влияния собратий-епископов) и превращается в своего рода неприкасаемого небожителя, неподсудного никакому земному суду.

Между тем, **такое положение дел является очевидной канонической нелепостью и, более того, прямо нарушает установления Поместного собора РПЦ 1917-1918 годов.**

Не зря, видно, митрополит Кирилл (Гундяев) в интервью «Независимой газете» (28.11.96) назвал этот собор «несвоевременным и по духу, и по идеям». Однако как бы кто ни пытался умалить его значение, Поместный Собор 1917-1918 годов остается в истории Русской Церкви самым авторитетным за последние триста лет. Сомневающимся напомню, что с момента упразднения патриаршества Петром I (1721 г.) и до 1917 года церковных соборов в России вовсе не было, а «подсоветские» соборы 1943, 1945, 1971 гг. и им подобные, собиравшиеся по указке богоборческой власти и принимавшие под бдительным надзором «компетентных органов» решения, утверждавшиеся в ЦК КПСС, — не могут, конечно, идти ни в какое сравнение с собором 1917-1918 годов, охватившим своими решениями все стороны церковной жизни.

Так вот, согласно определениям этого собора, в состав Синода, помимо патриарха, должны входить 12 архиереев. **Из них постоянным должен быть только один: Киевский митрополит** (ввиду важности Киевской кафедры для Русской Церкви). **Все же остальные должны быть выборными и регулярно сменяемыми.** Притом шесть синодалов избираются собором на три года, а остальные пять — «призываются» для работы в Синоде на один год.

Честно говоря, трудно понять, почему до сих пор никто из архиереев не поставил вопрос о необходимости привести современную систему церковного управления в соответствие с решениями этого собора? Неужели нынешние епископы плохо знают церковную историю? Или им нравится их нынешнее положение, при котором они практически лишены какой бы то ни было возможности влиять на церковную политику и пресекать антиканоническую деятельность раскольников? Да и сам патриарх при таком порядке замещения синодальных кресел получает гораздо большую свободу маневра и перестает быть заложником арифметического большинства пожизненных членов Синода...

Как бы то ни было, не подлежит никакому сомнению, что рано или поздно этот вопрос станет в повестке дня. Лучше, конечно, пораньше, ибо лечить запущенную болезнь всегда сложнее. В любом случае сегодня можно с уверенностью сказать: **будущее Русской Церкви зависит от того, хватит ли у всех нас в ближайшие годы мужества и мудрости, чтобы не скрывать назревших проблем, конфликтов и внутрицерковных противоречий; терпения и любви — чтобы улаживать их немятежно и мирно, в соответствии с многовековой соборной практикой; силы воли и упорства — чтобы провести в жизнь комплекс мер по приведению церковной организации в соответствие с канонами, святоотеческой традицией и требованиями современной жизни.**

«НИКОДИМОВЩИНА»: БЛАГО ИЛИ ЗЛО?

Митрополит Ставропольский и Владикавказский ГЕДЕОН (Докукин):

КТО ПОСТАВИЛ ВАС СУДЕЙ?

Господин К. Душенов !

Прочитав Ваши статьи, в которых Вы непочтительно пишете о выдающемся иерархе современности, моем духоносном Авве¹ Митрополите Петербургском и Новгородском НИКОДИМЕ, Патриаршем Экзархе Западной Европы, считаю необходимым сказать следующее.

В трудные богоборческие 60-е годы, когда Вы только родились, блаженнопочивший Владыка НИКОДИМ уже тогда, еще будучи иеромонахом, проявил мужество, твердое стояние за Православную веру и исповедничество: его хотели одурманенные атеизмом машинисты-безбожники бросить в горящую топку паровоза как «попа-мракобеса». Но Промысел Божий хранил его, как особого избранника, ибо Глава Церкви (Господь, Который и управляет ею через Своих мужей праведных, и поставляет их в том месте и в то время, когда они особенно нужны Церкви и народу Божию. И не случайно он, сын нерядового коммуниста, был избран Богом, возведен в сан митрополита и, Богу содействующу, уверенно вел в то судьбоносное время, когда многие снычевы прятались за широкие спины уполномоченных, церковный корабль, спасая его от гибели.

Митрополит НИКОДИМ, как призванный от Бога архиерей, был исключительной личностью, особо одаренной, гениальной и, с помощью Божией, он решал такие сложные вопросы о церковной жизни, какие никто из принимавших в них участие не мог решить, чему я не раз был свидетель. Когда Хрущев самонадеянно обещал всему миру показать последнего «попа», он омолаживал и умножал епископат, искал связи со всеми: и с католиками, и со Всемирным Советом Церквей, и с Христианской Мирной Конференцией, и с Конференцией Европейских Церквей, чтобы спасти хотя бы некоторых. И не случайно он стал Президентом Всемирного Совета Церквей.

Кто спас родную для нас Санкт-Петербургскую Духовную Академию от закрытия и поругания? Ее выдающийся выпускник и благодарный сын Митрополит Никодим, с именем и мнением которого вынуждены были считаться агрессивные антицерковные силы и даже все- сильный тогда ленинградский уполномоченный Жарин Г.С. Когда возникла угроза упразднения Журнала Московской Патриархии, то ее редколлегия, по просьбе священноначалия, возглавил Митрополит НИКОДИМ, и тем самым журнал был сохранен для миллионов верующих как единственный источник религиозного просвещения.

А знаете ли Вы, как блестяще и безбоязненно Владыка проповедовал? Его бесценное гомилетическое наследие ждет своего добросовестного исследователя, и Вы могли бы им стать, но, к сожалению, удалились во страну далечу.

А как к нему тянулись епископат, духовенство и народ Божий! Достаточно вспомнить, как торжественно проходили празднования дня памяти св. блгв. кн. Александра Невского в г. Ленинграде при владыке НИКО-

¹Авва — арамейское слово, переводимое на русский как «отец». В православной традиции аввами называются настоятели монастырей и вообще уважаемые старцы-подвижники.

ДИМЕ, когда на богослужениях праздника в Троицком Соборе Александро-Невской Лавры был почти весь епископат Русской Православной Церкви, чего потом, к сожалению, не стало наблюдаться.

А сколько он в то время постриг монахов?

Владыка, собиравший и объединявший всех нас, одновременно учил и примером своего беззаветного служения Матери Церкви, как надо осуществлять спасительное святительское служение в условиях воинствующего атеизма. А в день отпевания, которое возглавил Святейший Патриарх ПИМЕН, этот огромный храм не мог вместить всех желающих проститься с дорогим Аввой. И называть Божьего избранника ересиархом (непорочно и преступно. Схиархиепископ Дмитрий Градусов, яркий светильник Православия и носитель высокой христианской нравственности, духовный отец Владыки НИКОДИМА, мог ли породить ересиарха?! Никодимы в то время очень нужны были Церкви, но их, к сожалению, было очень мало. И зачем Вам, еще начинающему жить, так клеймить в Бозе почившего Святителя Божия Митрополита НИКОДИМА. Владыка НИКОДИМ делал великое дело в очень тяжелое время.

Пользуясь именем Владыки ИОАННА, Вы создали себе авторитет, как радетеля Руси. Властью мне от Бога данной, я запрещаю Вам так непочтительно говорить о моем Авве и современном исповеднике. Чернить его святое имя (большой грех. Что это дает Вам? Чего Вы достигнете, противопоставив двух иерархов? Ведь Владыка ИОАНН от этого больше не станет, он получит свое, Владыка НИКОДИМ (свое. Вы-то кто? Судия?! А кто Вас им поставил? Благословляйте, а не кляните. Написанное пером, Вы знаете, не вырубить ничем. Ваши неправильные высказывания о Владыке НИКОДИМЕ очернили все Ваши труды, ранее написанные. А жаль!

Вы заканчиваете свои письма как верующий православный христианин, и хочется Вам верить, но за Вашими разборками, противостояниями, противопоставлениями Вы теряете лицо православного христианина. Вы смакуете все негативное, ни слова ни говоря о позитивном и о тех, кто защищал Святое Православие на Руси в тяжелые годы. Зачем сейчас Вам, молодому человеку, создавать противостояние, когда и так все силы встают на Православие? Одумайтесь, покайтесь, вразумитесь, ибо очень опасно Вы ходите...

Бог Вам в помощь.

Константин ДУШЕНОВ:

ВЫ НЕ ВЛАСТНЫ НАД МОЕЙ СОВЕСТЬЮ!

Ваше Высокопреосвященство, всечестный Владыка Гедеон!

Если бы Ваше письмо носило частный характер, я не стал бы отвечать на него: Вы имеете полное право на собственную оценку личности и деятельности митрополита Никодима и вряд ли я могу надеяться убедить Вас переменить ее. Однако содержание Вашего письма, как мне кажется, выходит далеко за рамки частного значения.

Вы, Владыка, сформулировали своего рода манифест, направленный не столько в защиту личности митрополита Никодима, сколько в поддержку той церковной политики, которую он олицетворял и проводил. Поскольку я, со своей стороны, считаю, что такая политика порочна и губельна для Русской Православной Церкви, мне показалось невозможным промолчать.

Господи, благослови!

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Ваши главные аргументы в защиту «доброе имени» митрополита Никодима сводятся к следующим утверждениям:

а) Еще в шестидесятые годы он едва не закончил жизнь как мученик за веру в паровозной топке машинистов-безбожников;

б) Он «омолаживал и умножал епископат», «искал связи со всеми» и поэтому «не случайно стал президентом Всемирного Совета Церквей», возвысив, таким образом, в трудное время гонений международный авторитет и влияние Русской Православной Церкви;

в) Он «спас Санкт-Петербургскую Академию от закрытия и поругания» и сохранил Журнал Московской Патриархии «для миллионов верующих»;

г) Его «бесстрашные проповеди» привлекали к нему «епископат, духовенство и народ Божий», благодаря чему он стал центром «объединения всех... в условиях воинствующего атеизма».

Что ж, давайте попробуем разобраться по порядку.

К сожалению, героическую историю о паровозной топке следует признать вымыслом. «В трудные боготворческие 60-е годы» Никодим Ротов был уже не «простым иеромонахом», а высокопоставленным церковным иерархом, сперва епископом, затем - архиепископом и митрополитом, имевшим прекрасные отношения с государственной властью и пользовавшимся всеми номенклатурными благами своего привилегированного положения.

В этом положении он, естественно, к паровозам и близко не подходил: за границу летал самолетами, а если уж пользовался железной дорогой, то путешествовал достаточно комфортно, благо билеты ему доставались по брони Совета Министров СССР (при Совмине был «прописан» Совет по делам религий, курировавший Московскую Патриархию). Да и сам факт попытки сожжения священнослужителя в паровозной топке в 60-е годы вызывает большие сомнения. Во всяком случае, злоумышленникам надо было бы приложить большие усилия уже для того, чтобы добыть исправный паровоз...

Далее. Каким образом митрополит Никодим «омолаживал и умножал епископат», тоже хорошо известно. Достаточно сказать, что включая себя в число его креатур, Вы оказываетесь в весьма сомнительной кампании «табачного митрополита» Кирилла (Гундяева), митрополита-обновленца Владимира (Котлярова), «кагебешного» архиепископа Хризостома (Мартишкина), вынужденного под давлением доказательств публично признать: «Я сотрудничал с КГБ, давал подписку, имел регулярные встречи, отчитывался. У меня есть свой псевдоним — кличка, как там говорят — «Реставратор»...» («Русская Мысль» 24.4.1992). Это — лишь некоторые из тех «ценных кадров», которыми в свое время владыка Никодим «умножал» епископат и от которых до сих пор стонет Русская Церковь. Вы что, действительно настаиваете, что принадлежите к их числу?

Что же касается того, что владыка Никодим «искал связей со всеми» то это, слов нет, совершенно верно. И председателем (а не президентом, как Вы пишете) Всемирного Совета Церквей он был избран — Вы правы — не случайно, а именно благодаря своим обширным связям. Правда, на этот раз они были довольно сомнительного характера, о чем недвусмысленно свидетельствуют документы, обнаруженные в 1992 году комиссией Верховного Совета России в архивах КГБ.

Задача по влиянию на мировую христианскую общественность была поставлена перед советскими спецслуж-

бами еще в конце 40-х годов (См., например, Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф.17, оп.125, д.407, 506). И продвижение митрополита Никодима в 1975 году на пост одного из семи сопредседателей ВСЦ - пост скорее почетный, но дающий возможность политического влияния - стало лишь первым успешным опытом госбезопасности в таком направлении. Это случилось в Найроби, на пятой Генеральной Ассамблее ВСЦ, а уже следующая, шестая, оказалась под плотнейшей опекой наших «компетентных органов».

На основании полученного в Найроби опыта, несколькими смежными управлениями КГБ «в рамках совместного плана со службой «А» ПГУ КГБ СССР по оказанию выгодного Советскому Союзу влияния на клерикальные круги Запада через ведущую агентуру органов КГБ по религиозным каналам» был разработан и осуществлен целый ряд мероприятий.

В 1983 году «В Ванкувер (Канада), на VI Генеральной Ассамблее в составе религиозной делегации СССР направлено 47 агентов органов КГБ из числа религиозных авторитетов, священнослужителей и технического персонала». В 1984 году «в Швейцарию в составе делегации Русской Православной Церкви на ЦК Всемирного Совета Церквей выезжали агенты, имевшие задание на продвижение на пост Генерального секретаря ВСЦ приемлемого для нас кандидата. На эту должность избран Эмилио Кастро, избрание которого, помимо РПЦ, поддержали церкви соцстран».

Доживи митрополит Никодим до этих лет — его карьера в ВСЦ, столь блестяще начатая, без сомнений получила бы не менее блестящее продолжение...

Теперь о том, как он «спас» Ленинградскую Духовную академию «от закрытия и поругания». Не знаю, собирались ли власти в 60-х годах закрыть ЛДА — я не встречал ни одного документа, подтверждающего такое намерение, - но владыка Никодим своих целей в качестве куратора Академии никогда не скрывал. Под его покровительством ректором Академии в 28 (!) лет был назначен Кирилл Гундяев - и она превратилась в «лабораторию экуменической мысли», в которой литургику преподавал католик-иезуит, богослужения проводились на современном русском языке, а студенты воспитывались в духе откровенного обновленчества и «широкой веротерпимости». Так что поругание Святого Православия осуществлялось в ней - увы! - собственными профессорами с ведома и одобрения главного «спасителя».

Примерно то же можно сказать и о «спасении» владыкой Никодимом Журнала Московской Патриархии «для миллионов верующих». ЖМП под его руководством напоминал скорее Журнал Экуменических Контактных, а не печатный орган Русской Православной Церкви. «Источником религиозного просвещения» он, в связи с этим, быть никак не мог и «миллионы верующих» его, слава Богу, не читали. Хотя бы потому, что тираж журнала ограничивался несколькими тысячами, подписку на него не принимали, а в библиотеках он находился в так называемом спецхране — фонде, недоступном рядовому читателю...

Еще Вы спрашиваете меня, знаю ли я, «как блестяще и безбоязненно Владыка проповедовал»? Знаю, Ваше Высокопреосвященство, знаю... Например, так: «в нашем новом мире воплощаются и получают реальное бытие идеалы, принесенные в мир Воплотившимся Словом» (это — о результатах «социалистического строительства» в СССР к 1969 году). Или так: «Церковь не может проходить мимо значительных явлений в окружающем мире... После Второго Ватиканского Собора в наших

духовных школах изучаются постановления Собора и папские энциклики... В результате этого у наших будущих пастырей повышается интерес... к Католической Церкви». Или так: «Православная Церковь хорошо понимает свой долг, требующий устранения... проявлений фанатизма по отношению к стремлению подойти по-новому к церковным проблемам».

Это, действительно, бесстрашные проповеди, ибо нужно совсем потерять страх Божий, чтобы решиться произносить подобные обновленческо-экуменические декларации от лица всей Православной Церкви...

«НЕМЫ ДА БУДУТ УСТАЛЬСТВИЕ, ГЛАГОЛЮЩИЯ НА ПРАВЕДНАГО БЕЗЗАКОНИЕ»

Сии слова Священного Писания (Пс.30,19) невольно просятся на ум при чтении Вашей уничижительной характеристики митрополита Иоанна (Снычева), которую Вы не постеснялись поместить рядом с восхвалениями владыки Никодима. Что ж, поговорим о «снычевых, которые прятались за широкие спины уполномоченных» в то время, как героический и гениальный митрополит Никодим «уверенно вел церковный корабль, спасая его от гибели».

Если бы Вы, Владыка, не написали этой гадости про митрополита Иоанна - я, возможно, и не стал бы отвечать Вам публично, ибо документы, на которые я хочу сослаться, не делают чести ни Вам, ни Вашему «дорогому Авве». Но Вы сами избрали тональность дискуссии, так что уж не обессудьте за нелицеприятную откровенность.

Честно говоря, я до сих пор не могу понять, зачем Вы столь бесцеремонно, мягко говоря, искажаете истину? Вы, возможно, думаете, что дела «давно минувших дней» — дней нежной дружбы между некоторыми епископами и «компетентными органами» — навечно преданы забвению под грузом свалившихся на нас в последние годы новых проблем и напастей? И теперь события пятнадцатидвадцатилетней давности можно трактовать как угодно — все равно никто толком не сумеет разобраться, где правда, а где вымысел?

Если так — напрасно, дорогой Владыка! Советская бюрократическая машина работала столь тщательно, что в ее недрах оставались документальные свидетельства практически каждого, даже самого незначительного мероприятия. Это касается и Совета по делам религий, пухлые папки архивов которого еще ждут своего добросовестного исследователя. Впрочем, на основании уже обнаруженных документов кое-какие выводы можно сделать прямо сейчас.

Например, в середине 70-х годов В.Фуровым, заместителем председателя Совета по делам религий, (а эта должность на протяжении долгих лет являлась почти что официальной «крышей» штатного сотрудника КГБ) для членов ЦК КПСС был составлен конфиденциальный доклад на тему «Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона». В 1979 году этот документ попал на Запад и частично был опубликован в «Вестнике Русского Христианского Движения», а в 1982 году его даже перевели на английский язык для ознакомления американских конгрессменов и сенаторов.

Доклад содержал в себе обширную аналитическую записку об «усилении работы» с Русской Православной Церковью «в интересах государства» и несколько протоколов бесед, состоявшихся в Совете с церковными иерархами. Часть из них была в 1980 году опубликована в том же «Вестнике РХД», часть — нашла свое место в архивах Оксфордского университета (Keston College).

Возможно, Вы не знаете, но в этом докладе даны характеристики и Вам, бывшему тогда епископом Новосибирским, и митрополиту Никодиму, и владыке Иоанну, возглавлявшему в то время Куйбышевскую кафедру. Каковы же они? Извольте: и Вы, и Ваш «дорогой Авва» отнесены кагебешниками к категории епископов, «которые стоят на лояльных позициях к советскому государству, правильно относятся к законам о культах и соблюдают их». Не правда ли, такая похвала из уст богборцев и гонителей Церкви дорогого стоит?

А что же владыка Иоанн? А вот он-то, как раз, отнесен к категории неблагонадежных, которые совершают «попытки обойти законы о культах», а сами «религиозно консервативны» и «способны на фальсификацию отношений к ним органов власти». Об одной из таких «фальсификаций» владыки Иоанна писала даже зарубежная пресса: «Однажды он привел в ярость местного уполномоченного тем, что самовольно выстроил на церкви новый купол. На требования снять его или разобрать — ответил, что для этого купол сделан слишком прочно. Уполномоченный пригрозил в таком случае сбить его выстрелом из танкового орудия, но в итоге купол так и остался стоять» (*Sunday Telegraph*, 24.10.93).

Так кто же «прятался за широкие спины уполномоченных»? И кто «противопоставляет двух иерархов» — не Вы ли сами? И как не стыдно Вам, пожилому человеку, клеветать на покойного митрополита Иоанна?

ВЛАСТЬ И СОВЕСТЬ

Теперь о том, как владыка Никодим «уверенно вел в то судьбоносное время церковный корабль, спасая его от гибели». Тут надо сразу оговориться, что вел этот корабль, слава Богу, все же не он, хотя на капитанский мостик митрополит рвался изо всех сил. Пользуясь поддержкой «компетентных органов» он, действительно, сосредоточил в своих руках огромный объем полномочий. И пользуясь ими, практически не скрывал своих претензий на патриарший престол. Какие методы использовал при этом «дорогой Авва», мы можем узнать из отчетов сотрудников Совета по делам религий, которые они регулярно составляли по результатам своих бесед с архиереями.

Так, например, 9 февраля 1967 года Совет посетил - явно по поручению владыки Никодима - архиепископ Алексей (Ридигер). Он рассказал, что недавно имел разговор с митрополитом Никодимом, о содержании которого желает осведомить своих собеседников. Затем сообщил, что владыка Никодим «хотел бы занять кафедру митрополита Крутицкого и Коломенского», т.е. вторую по чести кафедру Русской Церкви, которая «усилила бы его позиции в качестве преемника патриаршей власти».

Далее архиепископ Алексей сказал, что владыка Никодим имеет свои кандидатуры и на другие ключевые должности в Московской Патриархии. Более того, митрополит Никодим предупреждает: «Если следующим патриархом станет кто-либо другой, то он со своими единомышленниками хотя и примет его с братской любовью, однако не станет помогать ему в Совете по делам религий так, как делает это сейчас»...

В таких словах трудно не заметить скрытой угрозы. Остается только догадываться, каким влиянием и на каком уровне обладал «дорогой Авва», если он, по сути дела, позволял себе угрожать всемогущим чиновникам Совета, столь настойчиво добываясь их поддержки в борьбе за патриарший престол! При этом своим главным соперником он не без оснований считал ставленника «консерваторов» митрополита Пимена (Извекова),

который, в конце концов, и стал Патриархом. Из разговора владыки Алексия в Совете явствует: для того, чтобы очернить «конкурента» в глазах властей, митрополит Никодим не гнушался ничем.

Содержание этого разговора, касающееся владыки Пимена, кажется столь невероятным, что я — дабы избежать упреков в предвзятости и очернительстве — прокомментирую его словами английской исследовательницы Джейн Эллис, пользующейся в кругах историков устойчивой репутацией серьезного ученого и явно тяготеющей в своих симпатиях к либеральному крылу русского духовенства.

«Из беседы ясно, - пишет она, - что владыка Алексей был гораздо ближе к митрополиту Никодиму, чем к митрополиту Пимену. Так, например, он передал чиновникам Совета слухи о том, что у Пимена в Ростове-на-Дону имеется семья и дети, а в Москве он замечен в связях с женщинами. Это чрезвычайно серьезные обвинения в адрес монаха и епископа, но особенно поразительно то, что один иерарх бездоказательно возводит их на другого перед лицом совершенно нецерковных людей... Будучи спрошен, кто на его взгляд был бы лучшим патриархом: Никодим или Пимен, Алексей ответил, что Никодим лучше, ...но нынешний патриарх и старые епископы будут поддерживать Пимена...» (*Jane Ellis «The Russian Orthodox Church. A Contemporary History», London, 1988, стр.225*).

Такие-то нравы, владыка Гедеон, насаждал Ваш «дорогой Авва» в «обновленном» им русском епископате. Надо, впрочем, отдать должное митрополиту Пимену — он, со своей стороны, отказался играть в эти грязные игры. Когда 21 февраля 1967 года (т.е. через 12 дней после посещения Совета владыкой Алексием) в беседе с ним один из чиновников Совета, А Плеханов, попытался навести разговор на тему его отношений с архиепископом Алексием и митрополитом Никодимом, то услышал в ответ: «Я ко всем отношусь хорошо и думаю, что нет основания плохо относиться ко мне... Архиепископа Алексия знаю давно, с начала 50-х годов, когда он был еще семинаристом и приезжал ко мне в Псково-Печерский монастырь со своими родителями. В бытность мою управделами Патриархии, я много помогал ему. Считаю его порядочным и деловым архиереем» (*«Вестник РХД», 1980 г., № 132, стр. 201*).

А СУДЬИ КТО?

К сожалению, «никодимовщина» нанесла Русской Церкви тяжелейшие раны, разделив ее внутренними противоречиями на два противостоящих друг другу лагеря: экуменистов-обновленцев и традиционалистов-консерваторов. Не мне говорить Вам, Владыка, что конфликт между ними, у основания которого в 60-е годы стоял митрополит Никодим, сегодня, через тридцать лет, не

стал менее болезненным и острым. На мой взгляд, **выйти из сложившейся кризисной ситуации не нарушая церковного единства можно только одним путем: через открытую общецерковную дискуссию.**

Цель такой дискуссии — вовсе не в том, чтобы принародно поливать друг друга грязью на радость ненавистникам Русской Церкви и Святого Православия. А в том, чтобы публично, гласно, ответственно обсудить все проблемы, порожденные «никодимовщиной» и соборно выработать взвешенную, объективную оценку нашего общего прошлого, опираясь на которую можно было бы сформулировать перспективную концепцию церковной политики, устремленную в будущее, соответствующую суровым реалиям современного обезверившегося мира и одновременно направленную на возрождение Святой Руси во всей полноте ее былого благочестия.

Вы, со своей стороны, считаете необходимым «заявить» опасную тему. «Властью, от Бога данной, — пишете Вы, — я запрещаю Вам так непочтительно говорить о моем Авве и современном исповеднике». Заявление, что и говорить, серьезное — архиерейское прещение обладает в Церкви великой силой. Но (sic!) только тогда, когда налагается в соответствии с канонами и без превышения полномочий. Вы же, Владыка, подобно многим современным церковным сановникам, похоже, забыли, какова действительная роль епископа в Православной Церкви.

Господь облек Вас полнотой благодати и поставил Вас в Церкви Своей блиости чистоту веры и добрые нравы паствы. Власть «вязать и решить» (Мф.16,19) дана Вам вовсе не как дубина, которой можно пользоваться по собственному усмотрению, но неразрывно сопряжена с обязанностью пред Богом соблюсти народ церковный в чистоте и непорочности святой веры. Вы же, похоже, считаете себя вправе разрешать и запрещать каждому, что Вам вздумается...

Не обольщайтесь: и по духу, и по букве церковных канонов, определяющих бытие Церкви, Вы не имеете никакой власти ни над моей совестью, ни над моей душой. Дабы канонически безупречно разрешать внутрицерковные споры, надо иметь специальный Церковный Суд, создание которого, санкционированное, кстати, прошлым Поместным Собором, уже который год блокируется кем-то в Священном Синоде...

Завершая свое письмо, скажу по совести: я, человек грешный, не претендую на роль судии. В меру собственного ограниченного понимания я лишь стараюсь принести пользу своей родной Матери-Церкви и от всей души почитаю церковных пастырей, наставляющих меня на этом пути. Я могу ошибаться и готов раскаяться, признав свои ошибки и заблуждения. Если, конечно, мне внятно растолкуют, в чем они заключаются...

Храни Вас Бог !

ОТ РЕДАКЦИИ

Церковь Христова зиждется вокруг Евхаристической Жертвы. Соборное единство Церкви - это в первую очередь евхаристическое единство. Именно поэтому во все времена верные христиане в преддверии перехода в другой мир стремились через причащение Святых Таинств соединиться со Святой Церковью и, в ней, с Господом. Как достаточно широко известно (к прискорбию митрополитов Гедсона, Кирилла и иже с ними), полный сил и творческих замыслов по развалу Русской церкви "авва" Никодим скоропостижно скончался в 1978 г. на приеме у только что избранного папы римского Иоанна Павла I после выпитой им чашки кофе. Также известно, что об этом в свое время ему напороочествовала одна блаженная: "А ты, собака, сдохнешь у ног папы римского !" Отравили ли его, для нас на столько же маловажно, на сколько маловажны многочисленные свидетельства папистов о том, что митрополит Никодим был тайным католическим епископом (см., например, "Passion and Resurrection: The Greek Catholic Church in the Soviet Union", или более доступное: "Истина и Жизнь", 1995, №2). Главное для воцерковленных православных другое: перед своей смертью митрополит Никодим причастился из рук папы римского, т.е. своим последним действием на земле явно засвидетельствовал свое единение с римской "церковью". Воистину, конец - всему делу венец ! Может быть, и был митрополит Никодим (Ротов) когда-то православным, не знаем, знаем точно, что умер он католиком. "*В чем застану, в том сужу*",- говорит Господь. А ученикам "великого аввы" следовало бы уважать религиозный выбор своего учителя и посмертно не навязывать ему Православие, действительно отвергнутое им при жизни.

+ + +

ПРАВОСЛАВИЕ ИЛИ СМЕРТЬ !

МОСКВА, „АЦЧЗ“